Олеся Руданская
Двойня от альфы, который меня бросил

Олеся Руданская

Двойня от альфы, который меня бросил

https://litres.ru/74682838
SelfPub; 2026

Аннотация

— Сына я заберу, Варвара. Девочка останется с тобой.

Шесть лет назад альфа Лоран Вейр бросил меня ради власти и другой женщины. Через три недели после развода я узнала, что беременна, и скрыла от него детей.

Теперь у меня пятилетняя двойня. Но стоило у Матвея проснуться волчьей силе, как бывший явился за наследником. Дочь ему не нужна. А закон, похоже, позволяет разлучить моих детей.

У меня двадцать один день до суда и одна зацепка: в старых документах этот закон звучит совсем иначе.

Исполнять решение суда поручено Рейну Арквуду, суровому командиру пограничной стражи. Если я проиграю, именно он придет за сыном.

Но почему мужчина, которого я должна бояться, первым встает на нашу защиту? И почему рядом с ним мне снова хочется любить?

Я не позволю бывшему выбрать одного ребенка из двух. Даже если ради этого придется бросить вызов всему Совету стай.

Содержание

Глава 1. Сына я заберу. Дочь оставь себе 5
Глава 2. Двадцать один день 26
Глава 3. Мать не имеет права 66
Глава 4. Слово, которого не было 108
Конец ознакомительного фрагмента. 134

Олеся Руданская
Двойня от альфы, который меня бросил

Глава 1. Сына я заберу. Дочь оставь себе

— Сына я заберу, Варвара. Девочка останется с тобой.

Лоран произнес это в моей прихожей ровным голосом и даже не подождал ответа. По тому, как он держался, я поняла: обсуждать здесь, по его мнению, было нечего.

За моей спиной перестали шуршать листы бумаги.

Пять минут назад Матвей и Милана сидели у кухонного стола и вырезали из старых рисунков птиц. Я разрешила им взять тупые ножницы, пока разогревала ужин. Теперь оба стояли в дверном проеме. Матвей прижимал к груди бумажную галку без хвоста. Милана держала ножницы сомкнутыми лезвиями вниз, как я учила, и смотрела на незнакомца с открытым любопытством.

Я забрала у дочери ножницы.

— Дети, вернитесь на кухню.

— Мам, это он? — спросил Матвей.

Он не назвал Лорана по имени. Не понадобилось.

Мой бывший муж перевел взгляд с мальчика на меня. В доме было тепло, но он не снял плащ. На груди поблескивала серебряная застежка с волчьей головой — знак правящего рода Вейров. Я видела такую застежку каждое утро первые три года нашего брака. Потом перестала замечать, когда Лоран начал приходить домой только к ночи.

— Да, — сказала я. — Это ваш отец. Лоран Вейр.

Милана сделала шаг вперед. На щеках у нее остались синие следы от карандаша.

— А у тебя правда свой замок?

Лоран опустил глаза к ней. Он был выше меня почти на голову, и дочери пришлось сильно запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Крепость, — поправил он. — Не замок.

— А там волки живут?

— Милана, — позвала я.

Она оглянулась. Не обиженно, скорее с удивлением: столько вопросов, а мама почему-то не дает их задать.

— Возвращайтесь на кухню. Я скоро приду. И накройте на стол, пожалуйста. Ложки лежат в нижнем ящике.

Матвей первым повернулся к кухне. Милана задержалась еще на мгновение, взглянула на Лорана и пошла следом. По дороге подняла с пола бумажную птицу и только потом закрыла дверь.

Я подождала, пока застучит ящик со столовыми прибора-

ми.

— Ты не успел спросить, как ее зовут, — сказала я.

— Я слышал.

— Зато уже решил, где ей жить.

Лоран посмотрел на кухонную дверь.

— Это не разговор для детей.

— Тогда не стоило начинать его у них на глазах.

Он провел ладонью по подбородку. Этот жест я помнила особенно хорошо. Когда-то после него обычно следовало извинение за опоздание, которое он обещал больше не повторять.

— Мне сообщили о мальчике вчера вечером, — сказал Лоран. — Сегодня утром я выехал. Полдня дороги, Варвара. У меня не было времени подобрать правильные слова.

— Но было время решить, какого ребенка заберешь.

— Матвей мой наследник.

— А Милана твоя дочь.

— Я этого не отрицаю.

Он действительно не отрицал. Просто не видел между двумя утверждениями ничего, что требовало бы пересмотреть первое.

Снаружи скрипнуло колесо. Карета Вейров стояла у нашего крыльца, занимая почти всю узкую улицу. Соседка напротив наверняка уже заметила герб на дверце и теперь придумывала, кто такой важный приехал к женщине, которая чинит чужие бумаги.

— Пройдем в мастерскую, — предложила я. — Если собираешься продолжать.

— Я собираюсь.

Моя мастерская находилась на соседней улице, рядом с пекарней. Идти туда с Лораном я не хотела. Поэтому открыла дверь в маленькую комнату, где дома держала инструменты для срочной работы. На подоконнике сушились бумажные полосы, возле лампы стояла банка с клеем, а на столе лежал незавершенный заказ: пожелтевшая книга счетов, которую нужно было вернуть владельцу к концу недели.

Лоран вошел и огляделся. Взгляд задержался на залатанной обивке стула, потом на подставке для переплетов.

— Ты по-прежнему работаешь с документами?

— Да.

— Думал, после развода ты вернешься к родне.

— Вернулась. На несколько месяцев. Потом устроилась сама.

Он кивнул, будто мы обсуждали судьбу бывшей служащей, а не женщины, которой он пять лет и одиннадцать месяцев назад велел освободить комнаты в своей крепости.

Я закрыла дверь.

— Теперь расскажи, что произошло. И начни не с наследника. С того, откуда ты узнал о детях.

— Из городской книги первых обращений.

— Полного обращения не было.

— Первых проявлений, — исправился он. — Мне пере-

дали запись целителя. На запястье мальчика обнаружен родовой знак Вейров.

Я невольно посмотрела на свои руки. На правом указательном пальце оставалось черное пятно от типографской краски. Позавчера утром я выводила этой рукой новый заголовок для восстановленного реестра и думала, хватит ли полученного аванса на зимнюю обувь обоим детям.

Позавчера днем Матвей впервые выпустил когти.

В подготовительной группе при училище был небольшой двор с низким забором. На нем обычно вывешивали детские рисунки. За забором разгружали муку для школьной кухни. Одна лошадь испугалась громкого удара, дернула телегу, и та покатилась в сторону калитки, куда как раз выбежала Милана.

Я не видела этого сама. Наставница потом рассказывала мне, торопясь и сбиваясь, а Матвей добавлял по два-три слова. Он схватил сестру за ворот и оттащил к забору. Успел. На деревянной стойке остались четыре глубокие царапины — он вцепился в нее рукой, на которой вместо ногтей выросли когти.

Милана отделалась содранной коленкой. Матвей испугался собственной ладони сильнее, чем телеги.

Когда я прибежала, он сидел у целителя, спрятав руку под мышку, и не разрешал никому ее трогать. Все уже прошло, когти исчезли. Осталось красное запястье и родовой знак, похожий на тонкую ветвь с тремя насечками.

Знак, который я слишком хорошо знала.

— Не надо, мам, — прошептал он тогда, когда я попросила показать руку. — Они опять вырастут.

Я обняла его и ждала, пока он сам разожмет пальцы. Потом мы долго говорили о том, что с ним происходит, и целитель терпеливо объяснял, как меняется волчья сила у детей.

Перед уходом он заполнил запись. Я видела, как перо остановилось над графой «родовая принадлежность».

— Я обязан отметить знак, госпожа Савина, — сказал он.

Я знала, что он прав. Знала и то, куда уйдет копия.

Но между знанием и нынешней каретой перед моим домом оказалось меньше двух суток.

— Матвей никого не ранил, — сказала я Лорану. — Он спас сестру. Целитель осмотрел обоих. Угрозы нет.

— Мальчик не контролирует силу.

— Ему пять.

— Именно поэтому ему нужен наставник.

— Наставник нужен всем детям, у которых впервые проявляется волк. Для этого не обязательно увозить их от семьи.

Лоран подошел к столу, но ничего не тронул. При всех наших разногласиях он помнил, как я относилась к незавершенной работе.

— Ты никогда не воспитывала наследника стаи, — сказал он.

— И ты тоже. Пока что.

Он медленно повернул голову.

— Не надо разговаривать со мной так, будто я приехал без причины.

— Причина у тебя есть. Но ты зашел в дом, увидел детей впервые и начал с того, что одного увезешь. Я даже не знаю, какую реакцию ты рассчитывал получить.

— Я рассчитывал, что ты выслушаешь.

— Я слушаю.

Некоторое время мы молчали. Из кухни донесся стук чашки. Потом голос Миланы:

— Матвей, эту не ставь, она треснула!

Лоран посмотрел в сторону звука. Его лицо изменилось совсем немного, но я заметила: до этого он думал о наследнике, а не о ребенке, который мог разбить чашку.

— Пять лет? — спросил он.

— Пять лет и четыре месяца. Оба.

— И все это время ты молчала.

Я ждала этого вопроса с того мгновения, когда заметила карету.

— Когда мы разводились, я еще не знала, что беременна. Узнала спустя три недели.

— Но потом узнала.

— Да.

— Почему не написала?

Можно было напомнить о последнем нашем разговоре в крепости. О том, как он положил передо мной бумаги и попросил не усложнять положение стаи. Можно было спросить,

почему за почти шесть лет он ни разу не попытался узнать, где я живу.

Но у него был вопрос, и я не собиралась прикрывать свой ответ длинным перечнем его проступков.

— Я испугалась, что ты заберешь ребенка, — сказала я. — Тогда я думала, что одного. О двойне узнала позднее.

— Ты решила за меня, каким отцом я стану.

— Я решила, что не рискну своим ребенком, проверяя это.

— Это была моя кровь, Варвара.

— Она и сейчас твоя. У обоих.

Он отвернулся к окну. На стекле дрожали мелкие капли дождя. В карете напротив кто-то приподнял шторку и сразу отпустил.

— У тебя не было права скрывать их, — сказал Лоран.

— Может быть, я и ошиблась. Мне придется когда-нибудь объяснить им, почему я так поступила. Но сейчас ты сам показываешь, чего я боялась.

— Матвей должен расти там, где смогут подготовить его к обязанностям альфы.

— В пять лет его обязанность — не выбежать под колеса и мыть руки перед ужином. Остальное успеет.

— Ты не понимаешь, какое место он занимает в роду.

— А ты пока не понял, что он любит сестру больше любых родовых знамен.

Я вспомнила, как Матвей вчера уснул, сжав край Мила-

ниной наволочки. Она перебралась к нему после того, как у него снова затряслись руки. К утру оба оказались поперек узкой кровати и возмутились, когда я попыталась переложить дочь на ее место.

Лоран таких вещей не знал. И не спросил о них.

— Ты можешь жить неподалеку, — сказал он после паузы. — Я обеспечу возможность встречаться с сыном.

— А с дочерью мне можно будет встречаться каждый день? Или ее ты даже не станешь навещать?

— Милане лучше оставаться с тобой. Она привыкла.

— Матвей тоже привык.

— Он наследник.

— Ты уже говорил.

Он сжал губы. Я узнала знакомое выражение: так он смотрел на управляющих, когда те вынуждали повторять приказ.

Когда-то я ошибочно принимала его уверенность за способность решить любую проблему. Теперь перед ним стояла проблема, которую нельзя было убрать повышением голоса или новой печатью.

— В конце недели у меня собрание старших домов, — сказал он. — Я не могу надолго оставаться здесь. Поэтому предлагаю обойтись без ненужного спора.

— Тогда познакомься с детьми. С обоими. Узнай, чем они живут. И не говори больше при них, что собираешься кого-то увезти.

— Решение о Матвее не изменится.

— Значит, спор будет.

В дверь постучали. Три быстрых удара, пауза и еще один. Так стучала Милана, когда хотела сделать вид, что спросила разрешения, но ждать ответа не собиралась.

— Мам, суп уже теплый. А Матвей говорит, что надо еще подождать.

Я открыла. Дочь стояла, повязав полотенце поверх платья наподобие фартука. На руках осталось по синей полоске от карандаша.

— Спасибо. Иди к брату. Я сейчас.

Милана заглянула мне за плечо.

— А папа кушать будет?

Слово прозвучало просто. Она не знала, как оно может ударить.

Лоран посмотрел на нее. Впервые за весь разговор я увидела, что он не готов с ходу ответить.

— Нет, — сказал он наконец. — Мне нужно ехать.

— А когда приедешь?

— Скоро.

— Завтра?

— Возможно.

Милана обдумала это и важно кивнула. Для нее «возможно» пока еще было почти обещанием.

Я присела рядом с ней.

— Мила, мы с папой сами договоримся. Пожалуйста, не жди его завтра без моего слова.

— Хорошо, — ответила она и тихонько добавила: — Я не буду.

Когда она ушла, Лоран спросил:

— Ты всегда говоришь с ними так прямо?

— Стараюсь говорить то, что могу выполнить.

— Я не обещал приехать завтра.

— Она этого не знает.

Он посмотрел на дверь, за которой уже звякали тарелки. Какое-то время мне казалось, что он предложит остаться, поужинать с детьми и задать хоть один вопрос, не связанный с наследованием.

Но Лоран потянулся к застежке плаща.

— Я не могу уехать, ничего не решив.

— Ты уже решил достаточно. Осталось узнать, согласна ли я.

— Я не прошу разрешения забрать наследника.

— А придется.

— Варвара, есть закон.

— Тогда показывай закон, а не герб на карете.

Он выдержал мой взгляд.

— Хорошо. Пойдем законным путем.

Я открыла дверь в прихожую. Не потому, что победила, а потому, что дальнейший разговор при детях мог сделать только хуже.

У порога Лоран остановился. На крючке висели три маленькие куртки: старая Матвея, новая Миланы и запасная,

которую я перешила из прошлогодней. Рядом на полке сохли две пары детских башмаков. Детские вещи занимали больше места, чем мои, и в узкой прихожей приходилось поворачиваться боком.

— Ты могла обратиться ко мне за деньгами, — сказал он.

— Да.

— И не обратилась.

— Не обратилась.

— Гордишься этим?

Я посмотрела на детские куртки.

— Нет. Иногда мне было очень тяжело. Но я не стала бы покупать помощь ценой того, что ты сейчас требуешь.

— Я еще ничего у тебя не забрал.

— Потому что я пока стою здесь.

Его лицо дернулось, будто я ударила не туда, куда он ожидал. Однако ответил он все так же ровно:

— Завтра с тобой свяжутся официально.

— Значит, завтра и поговорим.

Он вышел на крыльцо. Конюх поспешно открыл дверцу кареты. Серебряный волк на ней был вырезан так тщательно, что дождь собирался в углублениях вокруг глаз.

Когда-то я вышивала тот же знак на рубашке мужа. Первую нитку пришлось распороть: ошиблась с наклоном головы. Лоран смеялся и говорил, что старым советникам все равно, куда смотрит волк, лишь бы стая не голодала.

Сейчас я почему-то вспомнила не его смех, а то, как ве-

чером выдергивала испорченные стежки один за другим.

Карета тронулась. Я закрыла дверь и несколько секунд держалась за засов, хотя он давно встал на место.

— Мам? — позвали с кухни.

— Иду.

Суп успел остыть сильнее, чем сказала Милана. Дети поставили на стол три тарелки и четыре ложки. Четвертая лежала рядом с моим местом.

— Это папе, — объяснила дочь. — На случай, если он передумает.

Я убрала ложку в ящик.

— Сегодня он не останется.

— А завтра?

— Не знаю.

Она опустила глаза к тарелке. Матвей сидел прямо, положив ладони на колени. Так он делал после посещения целителя: боялся, что когти появятся, если возьмет что-нибудь слишком крепко.

Я налила суп, села между ними и протянула руку.

— Мотя, можно посмотреть твои пальцы?

Он медленно подал ладонь. Кожа была обычной, только возле ногтя оставалась небольшая царапина.

— Видишь? Все спокойно.

— Пока, — ответил он.

— Пока. И если опять начнется, скажешь мне. Мы знаем, к кому обратиться.

Он кивнул, но ложку так и не взял.

— Папа на меня сердится? — спросил Матвей.

— Нет. Почему ты так решил?

— Он смотрел на мою руку. И говорил, что мне надо жить у него.

Милана подняла голову.

— А меня не звал.

Я так сжала ручку ложки, что заболели пальцы.

— Он приехал неожиданно, — сказала я. — И сказал много такого, о чем должен был сначала поговорить со мной. Вы в этом не виноваты.

— Если я не буду делать когти, он не приедет? — спросил Матвей.

— Это не зависит от твоих когтей.

Я хотела добавить, что отец не сможет их разделить. Уже приготовила слова. Но в ушах все еще звучало «есть закон», и обещать то, чего я пока не могла обеспечить, казалось нечестным.

— Я сделаю все, чтобы вы оставались вместе, — сказала я. — И чтобы с вами обращались правильно.

— Даже если он альфа? — уточнила Милана.

— Даже если он альфа.

— А ты кто? — спросила она.

— Мама, — сказал Матвей за меня.

Милана подумала.

— Это я знаю. Я спрашиваю, почему у мам нет гербов на

каретах.

В другой день я бы улыбнулась. Сейчас улыбка не получилась.

— Потому что некоторым мамам нужнее хорошая обувь для детей, чем герб на карете.

Милана посмотрела на свои носки, на пальце одного виднелась аккуратная штопка.

— Я хочу сапоги с желтыми шнурками, — сообщила она.

— Я помню.

— И Матвею. Только без желтых. Он не любит.

— Я тоже помню.

Наконец Матвей взял ложку. Мы стали ужинать. Я старалась отвечать на вопросы о завтрашнем дне так, будто все еще собиралась отвести их в подготовительную группу и вернуться к заказам. В действительности я не знала, смогу ли утром открыть мастерскую как обычно.

После еды Милана принесла свой рисунок. На листе два маленьких волка стояли возле большого дома. Крыша была раскрашена зеленым, хотя наш дом крыт темной черепицей.

— Это мы, — сказала она. — Когда научимся превращаться.

— А дом почему зеленый?

— Потому что так красивее.

Она устроилась у меня на коленях, и я помогла ей дорисовать дверь. Матвей сел с другой стороны и показал, какой хвост должен быть у волка, если он бежит.

Я смотрела на лист и думала, что Лоран наверняка сможет дать им рисовальную бумагу лучше моей, целые коробки красок, учителей, просторные комнаты. Он всегда умел обеспечивать то, что можно было купить.

Но сейчас Милана хотела, чтобы брат подержал лист, пока она закрашивает крышу. А Матвей спорил, что волку не нужны голубые сапоги. Ни одному из них не требовалось владение стаей, чтобы быть счастливым в этот вечер.

Когда постучали снова, оба ребенка вздрогнули.

— Это тетя Надя, — сказала я, увидев знакомую сумку через окно.

Надежда пришла после смены в лечебнице. От ее плаща пахло мокрой шерстью и лекарственными травами. Она быстро оценила наше молчание, поставила на стол сверток с хлебом и не стала спрашивать при детях, что произошло.

— Кто поможет мне донести банки в кладовую? — спросила она.

Милана тут же вскочила. Матвей пошел за ней, прихватив рисунок.

Тетя выждала, пока их шаги стихнут.

— Это его карета стояла у дома?

— Да.

Она села. Не сняла даже шапку.

— Он узнал про Матвея?

— И про Милану.

— И что хочет?

— Забрать сына.

Надежда опустила руки на стол. У нее были широкие, немного покрасневшие от постоянного мытья ладони. Эти руки держали моих детей раньше, чем я сама научилась не бояться, что они слишком маленькие.

— Только сына? — переспросила она.

Я кивнула.

— Значит, он за эти годы ничему не научился, — сказала тетя.

Она говорила без злорадства. Лоран когда-то ей нравился. В день свадьбы Надежда даже призналась мне, что приятно видеть человека, который слушает меня до конца, прежде чем ответить.

— Он сослался на закон, — сказала я.

— На статью про наследников?

— Да.

— Тогда нужны бумаги. Не спор на пороге. Ты знаешь, что они умеют делать с бумагами, когда им выгодно.

Я внимательно посмотрела на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что тебе придется читать каждую строчку. Ты же у нас этим хлеб зарабатываешь.

Она покосилась на дверь кладовой.

— Я завтра с утра в лечебнице. До обеда никак не освобожусь. Но после смены могу забрать детей, если тебе придется куда-то идти.

— Спасибо.

— И не смей отказываться только потому, что опять решила быть самой сильной.

Я хотела возразить, но она уже поднялась за детьми.

Позднее, когда Надежда ушла, я долго укладывала двойню. Матвей попросил не закрывать дверь спальни. Милана хотела спать с ним, но кровати у них стояли рядом, и я уговорила ее остаться в своей, придвинув их вплотную.

— Если у меня опять будут когти, ты придешь? — спросил сын.

— Приду.

— Даже ночью?

— Особенно ночью.

Милана вытянула руку из-под одеяла и ухватила край его рукава.

— Я тоже приду. Только ты меня не царапай.

— Не буду, — пообещал Матвей.

Я поправила одеяла и погасила лампу. В коридоре осталось светло от настенного фонаря. Я уже собралась выйти, когда Милана сонно спросила:

— Мам, а папа знает, что мы всегда вместе?

— Теперь знает.

— Хорошо, — сказала она и закрыла глаза.

Я еще долго стояла у порога.

Было поздно, но завтра мне все равно предстояло оплачивать счета. Для владельца торговой книги мне нужно было

восстановить три поврежденные страницы; утром за заказом обещал зайти его приказчик. Еще следовало написать в училище, что дети останутся дома до конца недели, и спросить у целителя копию его записи.

Я достала чистый лист и начала перечень дел. Рука дрогнула лишь один раз, когда дошла до слова «суд».

Городская канцелярия работала до вечера. Лоран вполне мог успеть подать требование, хотя недавно грозился только официальным разговором. Я отложила перо и проверила засов входной двери.

Вскоре в дверь действительно постучали.

Не так, как стучала Милана. Два коротких удара, уверенных и без паузы.

На крыльце стоял городской посыльный в мокром плаще. Он держал кожаную папку и жестяной фонарь.

— Госпожа Варвара Савина?

— Да.

— Из окружной канцелярии. Для вручения под расписку.

Я взяла бумагу. На верхнем крае стоял штамп с сегодняшней датой. Ниже — имя Лорана Вейра и номер зарегистрированного заявления.

Посыльный указал, где расписаться. Я подписала получение. Он ничего не спрашивал: просто забрал свою часть квитанции и поспешил к улице, где его ждала лошадь.

В доме было так тихо, что я слышала, как на кухне капает вода в миску под умывальником.

Я развернула документ полностью.

Лоран требовал определить проживание признанного старшего сына альфы в отцовском доме после первого проявления волчьей силы. Основание — статья четырнадцать действующего Свода Семи стай. Дочь в заявлении не упоминалась.

Отдельной строкой значилось, что официальное уведомление о начале процедуры и дальнейших сроках вручит уполномоченный представитель пограничной стражи.

Значит, завтра.

Я перечитала фамилию заявителя. Потом еще раз посмотрела на пустое место там, где могло стоять имя Миланы.

В соседней комнате тихо кашлянул Матвей. Через несколько секунд заскрипела его кровать, и я услышала сонное ворчание сестры. Скорее всего, он снова потянул к себе одеяло.

Я положила документ рядом с недошитой книгой счетов и взяла другой лист.

На этот раз написала только три строки.

Первое: получить копию записи целителя.

Второе: узнать, кто вправе оспорить требование альфы.

Третье: найти сам закон. Не пересказ Лорана, не чужие объяснения. Текст, по которому собирались решать судьбу моего сына.

Я сняла с полки старую папку с рабочими выписками. Пять лет я не доставала эту папку. Внутри лежали обрывки

заказов, учетные номера и несколько тонких листов, исписанных моим почерком.

Когда-то я восстанавливала судебное дело об опеке сорокалетней давности и почти всю ночь разбирала промокшие страницы. Помнила не имена участников и не исход спора, а одно предложение. Тогда оно показалось мне удивительно простым для закона.

Ребенка нельзя отнимать у того, кто его растит, только потому, что другой родитель стоит выше.

Возможно, я запомнила смысл неточно. Возможно, речь шла о другой статье. Завтра я проверю.

Но сегодня мне хватало одного: Лоран мог написать что угодно и поставить под этим свой герб. Это еще не означало, что я обязана согласиться.

Из спальни донесся тихий голос Миланы:

— Матвей, подвинься. Ты опять ко мне лег.

Я сложила листы, притушила лампу и пошла поправлять им одеяло.

Завтра в наш дом придет представитель пограничной стражи с официальным уведомлением. У него будет печать и текст закона, на который ссылается Лоран.

У меня пока были лишь номер старого дела, рабочая папка и желание сохранить обоих детей дома. Этого было мало. Утром я начну искать остальное.

Глава 2. Двадцать один день

Утром Матвей попросил не открывать ставни.

Я как раз снимала с плиты кашу и не сразу поняла, чего он испугался. Ночью прошел дождь, на улице было пасмурно, и без дневного света кухня казалась теснее обычного.

— Почему? — спросила я.

Матвей стоял возле стола в длинной домашней рубашке. Волосы после сна торчали на затылке. Правую руку он прятал за спиной.

— Вдруг он увидит, что мы дома.

— Кто?

— Папа.

Я поставила кастрюлю на подставку.

— Папа знает, где мы живем. Ставни тут ничего не изменят.

— Тогда пусть будут закрыты.

Я посмотрела на сына. Вчера вечером он долго не мог заснуть, а сегодня проснулся раньше Миланы и даже не попросил свой обычный кусок хлеба с вареньем.

— Хорошо. Пока не будем открывать.

Матвей кивнул и сел.

У меня оставалось немного времени до прихода командира стражи. Я не знала, в каком часу он появится, и поэтому встала на рассвете. Хотелось успеть привести дом в порядок,

приготовить завтрак и проверить бумаги.

На самом деле никакой порядок не мог изменить того, зачем к нам ехали.

На столе возле моего места лежала папка с рабочими записями. Ночью я несколько раз перечитывала старую выписку, но так и не нашла в ней полного текста нужной статьи.

Может быть, дело было в том, что я неверно запомнила номер.

Может быть, закон действительно изменили.

Хуже всего было то, что я не могла позволить себе ошибиться.

— А сегодня мы пойдем в училище? — спросил Матвей.

— Нет. Я попросила оставить вас дома на несколько дней.

— Из-за меня?

— Из-за того, что мне нужно разобраться с делами.

— Я могу больше не показывать руку.

Он произнес это так серьезно, что я присела перед ним.

— Твою силу нельзя просто выключить, Мотя. Ты же слышал, что сказал целитель.

— Я буду стараться.

— Ты уже стараешься. А теперь покажи мне руку.

Матвей неохотно протянул ладонь.

Пальцы были обычными. На запястье виднелся бледный родовой знак. Он проступал чуть темнее, когда мальчик волновался, но сегодня почти сливался с кожей.

Я осторожно провела большим пальцем рядом с ним.

— Не болит?

— Нет.

— Тогда давай завтракать.

Он начал есть, но все время поглядывал на окно.

Милана проснулась через четверть часа и сразу пожаловалась, что брат не разбудил ее вместе с собой. Потом обнаружила, что ей тоже не нужно идти в училище, и обрадовалась.

— Мы будем играть весь день?

— Немного поиграете, — сказала я. — А еще мне нужно закончить работу.

— Можно с тобой?

— Если не будете трогать инструменты.

— Я не буду. А Матвей будет?

— Тоже не будет, — ответил сын, даже не подняв головы.

Милана удивленно посмотрела на него.

— Я же просто спросила.

Мне хотелось, чтобы они поссорились из-за карандашей, разбросали бумагу и снова начали спорить, кому достанется красная подушка. Все это было привычным и понятным.

Но Матвей сидел тихо, а Милана то и дело поглядывала на его руку.

Я убрала со стола посуду и занялась домашними заказами. Из мастерской вчера успела принести поврежденную страницу счетной книги. Бумага уже высохла после очистки, и оставалось укрепить место сгиба.

Дети устроились на ковре.

Милана рисовала дом, возле которого стояли четыре человека. Матвей складывал деревянные дощечки в маленький корабль, но никак не мог подобрать подходящую для носа.

Первый стук раздался незадолго до девяти.

Я сразу подняла голову.

Матвей уронил дощечку.

— Это он? — спросил сын.

— Я посмотрю.

У двери стоял высокий мужчина в темном дорожном плаще.

За его плечом виднелись двое стражников. Один держал поводья оседланных лошадей, другой разговаривал с нашим соседом, который, разумеется, нашел совершенно неотложное дело возле собственного забора.

Незнакомец снял перчатку.

— Варвара Савина?

— Да.

— Рейн Арквуд. Командир пограничной стражи. Прибыл вручить судебное уведомление.

Он показал служебный знак и сложенный документ с печатью.

Я ожидала увидеть человека в парадной форме, с десятком сопровождающих и привычкой разговаривать так, чтобы слышала вся улица.

Арквуд был одет просто. Темные брюки, высокие сапоги, плотный плащ. На поясе висел короткий меч в закры-

тых ножнах. Светло-серые глаза внимательно следили за моей реакцией.

У левой брови у него был небольшой шрам.

Он оказался еще выше Лорана и шире в плечах. Но не пытался занять собой весь дверной проем. Напротив, отступил на шаг, позволяя мне спокойно рассмотреть бумаги.

— Можно войти? — спросил он.

— А если я скажу нет?

— Уведомление все равно необходимо вручить. Но для этого достаточно порога.

Я посмотрела на улицу.

Сосед уже перестал притворяться занятым забором. Теперь он стоял совершенно неподвижно и слушал.

— Входите.

Арквуд повернулся к сопровождающим.

— Ожидайте снаружи.

— Командир, нам приказано...

— Я помню приказ.

Стражник замолчал.

Я отступила, пропуская гостя в прихожую.

Рейн снял плащ и остался в темном камзоле без украшений. На левом рукаве был небольшой знак пограничной стражи. Меч он отстегнул и положил на полку у входа так, чтобы оружие не оказалось рядом с детскими куртками.

Из комнаты выглянула Милана.

Она несколько секунд рассматривала незнакомца.

— Вы от папы?

— Нет, — ответил он.

— Тогда кто?

— Рейн Арквуд.

— А я Милана.

— Очень приятно.

Дочка посмотрела на меня, ожидая продолжения знакомства.

— Мила, побудь с Матвеем. Нам нужно поговорить.

— А он надолго?

— Не знаю.

— Я ненадолго, — уточнил Арквуд.

Милана вздохнула и ушла.

Я провела командира в комнату с рабочим столом. Он не сел, пока я не предложила стул.

На столе лежали бумаги Лорана. Арквуд заметил их, но не стал брать.

— Вы получили вчерашнее извещение? — спросил он.

— Да.

— Я должен вручить вам основное предписание и разъяснить порядок дальнейших действий.

Он достал из папки несколько листов.

Я села напротив.

Первый документ был озаглавлен длинно и неудобно. В нем сообщалось о начале рассмотрения требования альфы Лорана Вейра относительно определения проживания несо-

вершеннолетнего Матвея Савина.

Я пробежала первые строки.

Фамилия сына была написана правильно. Возраст тоже. Указан день первого проявления волчьей силы.

Ниже стояла ссылка на статью четырнадцать Свода Семи стай.

— Вы читали заявление Лорана? — спросила я.

— Да.

— Тогда знаете, что у меня двое детей.

— Знаю.

— И он требует только одного.

Арквуд немного помолчал.

— Предмет заявления касается Матвея.

— Я умею читать.

— Вижу.

Его ответ прозвучал совершенно спокойно, без насмешки.

Я заставила себя вернуться к документу.

— Когда суд?

— Через двадцать один день, считая от сегодняшнего вручения. Дата указана на второй странице. Рассмотрение пройдет в Серебряном Пороге, в Суде трех печатей.

— То есть у меня три недели.

— Да.

— А потом вы придете и заберете моего сына?

— Это зависит от решения суда.

— Я спросила не об этом.

Арквуд сложил руки на столе.

Руки у него были крупные, с широкими пальцами и несколькими старыми шрамами. Один шел поперек костяшек.

— Если суд примет решение о передаче ребенка и поручит исполнение пограничной страже, я буду обязан его исполнить.

Он не отвел взгляда.

Мне хотелось услышать, что он не станет этого делать. Что, увидев Матвея и Милану, передумает. Что у любого взрослого человека должно хватить совести не разлучать пятилетних детей.

Но Арквуд не собирался утешать меня ложью.

— А если решение будет несправедливым?

— Его можно обжаловать в установленном порядке.

— Пока мой сын будет жить у человека, которого почти не знает?

— Я понимаю, почему вас это беспокоит.

— Нет, командир. Вы понимаете, о чем я говорю. Это не одно и то же.

Он принял замечание без возражений.

Я снова посмотрела на документ.

В нижней части страницы имелся раздел о временном порядке проживания.

Матвей оставался со мной до слушания.

Я перечитала эту строку дважды.

— Значит, сейчас его никто не вправе забрать?

— Не без отдельного судебного решения.

— Такого решения нет?

— Нет.

— И Лоран не может просто приехать со своими людьми?

— Самовольное изъятие ребенка будет нарушением.

— Даже если он альфа?

— Положение альфы не заменяет судебное решение.

Я подняла глаза.

Арквуд говорил так, будто объяснял устройство переправы через реку. Существовал порядок, и он собирался его соблюдать. Ни больше ни меньше.

— Тогда почему ваш отряд участвует в этом деле уже сейчас?

— Потому что спор касается двух территорий Союза. Пограничная стража обеспечивает вручение документов, передачу официальных уведомлений и, при необходимости, исполнение последующего решения.

— Вы будете наблюдать за нами?

— Не круглосуточно. Но о смене места проживания детей необходимо сообщать суду. Вывоз за пределы округа без разрешения запрещен до окончания рассмотрения.

— А мне?

— Вам разрешено свободно передвигаться. Ограничения касаются перемещения детей за пределы судебного округа.

Я записала это на отдельном листе.

— Если не успеваете, я повторю, — сказал Арквуд.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Спасибо. Пока успеваю.

— Некоторые люди сначала спорят со мной, а потом не могут вспомнить, что именно я сказал. Лучше записывать.

Я снова взяла перо.

На бумаге появились три строки.

Сына нельзя забрать до решения суда.

Вывоз детей из округа только с разрешения.

Слушание через двадцать один день.

Короткий список выглядел куда понятнее официального предписания.

— Что будет, если я не явлюсь на слушание? — спросила я.

— Суд вправе рассмотреть дело по имеющимся материалам. Если уважительная причина не позволит вам прибыть, нужно заранее сообщить об этом.

— А если я не согласна с самим законом?

— Тогда вам необходимо изложить основания возражений. Желательно при участии судебного поверенного.

— То есть без поверенного меня не станут слушать?

— Станут. Но спор о применении закона и спор о его действительности требуют разных доказательств.

Я задержала перо над бумагой.

— Что значит о его действительности?

Рейн посмотрел на меня внимательнее.

— Вы можете оспаривать обстоятельства, при которых закон применяют к ребенку. Это один вопрос. Если считаете, что сама норма не соответствует основополагающей Хартии, это другой вопрос.

— Такое возможно?

— Суд трех печатей имеет право рассматривать подобные возражения.

— И часто рассматривает?

— Достаточно редко.

— Почему?

— Большинство споров касается исполнения закона, а не его происхождения.

Я опустила глаза.

Старое дело, о котором я вспомнила вчера, было именно спором об опеке.

Тогда мать пытались лишить ребенка после смерти мужа. Родственники отца ссылались на собственное положение и родовые обязанности мальчика.

Суд оставил ребенка с матерью.

Я помнила это потому, что долго восстанавливала поврежденную страницу с заключением. Бумага была покрыта пятнами, и несколько слов пришлось разбирать по соседним записям.

Но дело относилось к событиям сорокалетней давности.

За такой срок закон вполне мог измениться.

— Где я могу получить полный текст статьи? — спросила я.

Арквуд вынул еще один лист.

— Выписка приложена.

Я прочитала.

Статья четырнадцать действительно устанавливала преимущественное право действующего альфы на проживание старшего признанного сына после первого проявления волчьей силы.

Формулировка была сухой, без привычных для старых законов объяснений.

Передача обосновывалась необходимостью воспитания будущего главы рода.

Ни слова о матери.

Ни слова о других детях, с которыми наследник мог расти.

В конце находилась ссылка на отдельный порядок учета.

— Что это? — спросила я, указав пером на последние строки.

— Правила наследной палаты Совета.

— Мне нужно их прочитать?

— Да.

Арквуд положил передо мной следующий документ.

Я начала читать и почти сразу пожалела, что не выпила за завтраком хотя бы вторую чашку чая.

Порядок был написан еще тяжелее основного закона.

Говорилось о регистрации наследника, подтверждении

родовой принадлежности, постановке на учет и дальнейшем наблюдении за подготовкой будущих альф.

Я нашла раздел, касающийся возраста семи лет.

— Школа Совета?

— Для признанных наследников предусмотрено обязательное обучение.

— Матвею сейчас пять.

— Да.

— И если Лоран заберет его, через два года сын должен будет отправиться туда?

— По действующим правилам.

Я вспомнила, как Лоран вчера говорил о наставниках.

Ни разу не упомянул, что собирается передать мальчика в закрытую школу.

— Вы уверены, что отец может отказаться от этого?

— Порядок предусматривает отдельные ходатайства об изменении условий обучения.

— Значит, может?

— Ходатайство и положительное решение не одно и то же.

Я не стала отвечать сразу.

Арквуд явно привык к тому, что людям не нравится содержание документов. И все равно продолжал объяснять их так, как они были написаны, не добавляя удобных обещаний.

— А если Лоран передумает? — спросила я. — Отзовет свое заявление?

— Его личное требование может быть отозвано.

— Тогда дело прекратят?

— Не обязательно.

Я подняла голову.

— Почему?

— С момента регистрации Матвея как признанного сына действующего альфы наследная палата получает основание участвовать в процедуре самостоятельно. Если отец откажется от требования, Совет вправе поддержать вопрос о передаче и надзоре.

— Даже если оба родителя против?

— Согласно действующему тексту — да.

Я смотрела на него, ожидая продолжения.

Вчера мне казалось, что главное — убедить Лорана отказаться от своего требования. Возможно, показать ему, что Матвей боится. Возможно, заставить услышать Милану.

Теперь выходило, что мой бывший муж уже запустил процедуру, которой сам мог не управлять.

— Почему вы не сказали об этом сразу?

— Я как раз разъясняю порядок.

— Вы понимаете, что он может сам не знать об этом?

— Возможно.

— Но заявление все равно приняли?

— Оно соответствует требованиям для регистрации.

Я положила перо.

— Прекрасно. Значит, мужчина, который вчера впервые увидел собственного сына, может одним заявлением пере-

дать его судьбу людям, которых ребенок вообще никогда не встречал.

— Дело еще не решено.

— Но процедура уже началась.

— Да.

Я отвернулась к окну.

Во дворе зашумели крыльями куры соседки. Одна перелетела через низкий забор и принялась клевать землю возле нашей бочки с водой.

Вчера эта курица была самой большой неприятностью, которую я ожидала увидеть возле дома.

Теперь я узнала, что даже отказ Лорана не обязательно вернет нам покой.

— Госпожа Савина.

Я посмотрела на командира.

— Совет имеет право заявить собственное требование, но его тоже придется рассматривать в суде, — сказал он. — До решения никто не получает права забрать ребенка.

— Вы так часто повторяете слово «право», будто оно должно меня успокоить.

— Я повторяю его потому, что это единственное, чем вы сейчас можете пользоваться наравне с альфой.

Мне нечего было ответить.

За дверью что-то упало. Послышался испуганный вскрик Миланы и торопливое:

— Я нечаянно!

Я вскочила.

— Подождите здесь.

На кухне обнаружилась опрокинутая табуретка. Милана пыталась достать с верхней полки коробку с красками, а Матвей держал табуретку за ножку.

Никто не пострадал.

— Я просила не лазить, — сказала я.

— Она сама полезла, — сообщил Матвей.

— Я хотела взять зеленый!

— Можно было попросить меня достать краски, — ответила я и сняла коробку.

Милана посмотрела в сторону комнаты, где остался Арквуд.

— Он уже уходит?

— Еще нет.

— А он злой?

Я присела рядом.

— Пока он ничего плохого нам не сделал.

— Но он с папой?

Я не знала, как объяснить пятилетней девочке разницу между службой, приказом и личным согласием.

— Он работает в страже. Его попросили принести документы.

— А папа его начальник?

— Нет.

— Тогда хорошо.

Она произнесла это с такой уверенностью, что мне стало еще тревожнее.

Матвей молчал.

— Мотя, что ты думаешь? — спросила я.

Он посмотрел на дверь.

— Он очень большой.

— Большой, — согласилась я.

— Может, он умеет превращаться в огромного волка.

— Наверняка умеет превращаться в волка. Но это не значит, что он собирается кого-нибудь пугать.

Сын кивнул.

Я предложила детям закончить рисунки за столом и вернулась к документам.

Арквуд стоял возле окна. Он не заглядывал в мои бумаги и не пытался рассмотреть домашние вещи.

— Извините, — сказала я.

— Все в порядке?

— Да. У нас табуретка сегодня решила участвовать в разговоре.

Он посмотрел на меня.

— Надеюсь, без письменного заявления.

Я не сразу поняла, что это шутка.

А когда поняла, удержала улыбку.

— Пока обошлось устным предупреждением.

— Значит, у табуретки еще есть шанс.

Он снова сел.

Я впервые за все утро смогла выдохнуть без желания немедленно с кем-нибудь поссориться.

Но документы никуда не исчезли.

— Мне нужно оформить возражение, — сказала я.

— Да.

— Вы привезли бланк?

— Пример формы.

Он достал еще один лист и показал, какие сведения следует указать.

Требовалось перечислить основания несогласия, приложить документы, подтверждающие проживание детей, и подать обращение в канцелярию окружного суда.

Полноценное разбирательство назначалось в столице, но первоначальные материалы можно было передавать через местное представительство.

Это хотя бы избавляло меня от необходимости завтра же ехать в Серебряный Порог.

— Вы сможете помочь мне заполнить? — спросила я.

Арквуд посмотрел на бланк.

— Я могу разъяснить порядок подачи. Но не должен составлять возражение за вас. Моя служба участвует в исполнении судебных решений.

— Даже если вы считаете требование неправильным?

— Мое личное мнение не заменяет процессуального положения.

— А оно у вас вообще есть?

Он встретился со мной взглядом.

— Есть.

— И какое?

— Я приехал вручить документы, госпожа Савина.

Мне стало ясно, что ответа не будет.

Я взяла бланк.

— Хорошо. Тогда еще один вопрос.

— Слушаю.

— Лоран вчера заходил в дом без предупреждения. Разговаривал с детьми о переезде. Может ли он повторить это завтра?

— Он не вправе входить в ваш дом без согласия. Что касается общения с детьми, порядок на время спора может установить суд.

— Пока такого порядка нет?

— Нет.

— Значит, я могу не пускать его?

— В собственный дом — да. Но если отец обратится с отдельным требованием о встречах, вопрос придется решать установленным способом.

Я записала это.

— И он не может просто забрать Матвея из училища?

— Без вашего согласия или отдельного решения суда — не может. Советую уведомить руководство училища о споре и оставить письменный перечень лиц, которым разрешено забирать детей.

Это была первая рекомендация за весь разговор, которую я могла выполнить немедленно.

— Спасибо.

Арквуд коротко кивнул.

Я взяла чистый лист и написала заявление о том, что до разрешения спора не согласна на передачу детей третьим лицам. Приложила копию вчерашнего извещения и попросила администрацию училища незамедлительно связываться со мной при любом обращении представителей Вейров.

Арквуд не диктовал мне текст. Лишь заметил, что лучше указать обоих детей, а не только Матвея.

Я исправила строку.

— Теперь все? — спросила я.

— Для училища достаточно. Судебные возражения нужно оформить отдельно.

Я сложила лист пополам.

Он протянул мне документ о вручении.

— Поставьте подпись здесь.

Я прочитала текст.

— Подпись означает, что я согласна с требованием?

— Нет. Только что получили уведомление.

Я расписалась и рядом собственноручно добавила:

«Документы получила. С требованиями о передаче сына не согласна».

Арквуд посмотрел на написанное.

— Можете оставить.

— Некоторые чиновники просят не писать лишнего.

— Я не вижу здесь ничего лишнего.

Он забрал свой экземпляр.

Я вспомнила, как шесть лет назад Лоран положил передо мной соглашение о разводе. Тогда его управляющий тоже сказал, что подпись нужна лишь для завершения формальностей.

Разница заключалась в том, что нынешний человек хотя бы объяснял, за что именно я расписываюсь.

Арквуд начал убирать бумаги в папку.

— У меня осталось несколько вопросов, — сказала я.

Он остановился.

— Задавайте.

— Вы часто исполняете решения о передаче детей?

— Иногда.

— И всегда делаете это лично?

— Нет. Зависит от территории и обстоятельств.

— Почему приехали именно ко мне?

Он ответил не сразу.

— Дело касается наследника действующего альфы. Кроме того, после первого проявления силы могут возникнуть вопросы безопасности ребенка.

— Матвей не опасен.

— Я этого не утверждал.

— Целитель подтвердил, что с ним все нормально.

— Тогда желательно приложить его заключение.

Я помолчала.

— Вы даже не хотите посмотреть знак?

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что мальчик действительно из рода Вейров.

— Родовую принадлежность зафиксировал целитель. Отец подал заявление о признании сына. Вы подтверждаете происхождение?

— Подтверждаю. И сына, и дочери.

— Значит, сейчас спор не об отцовстве.

— А о том, кому достанется ребенок.

Арквуд посмотрел на меня чуть строже.

— О том, где он будет жить и кто вправе решать этот вопрос.

— Для Матвея разница пока небольшая.

— Для суда существенная.

Он был прав, и меня это раздражало.

Потому что правильно подобранные слова пока ничего не меняли в нашей жизни.

— Когда вы вернетесь? — спросила я.

— Не могу назвать дату. Если потребуются дополнительные материалы или вручение новых документов, с вами свяжутся.

— А Лоран?

— Я не отвечаю за его личные поездки.

— Он говорил, что не может задерживаться здесь из-за

дел стаи.

— Тогда, вероятно, уехал.

— Вероятно, — повторила я.

Арквуд поднялся.

Я проводила его до прихожей.

В этот момент из кухни вышел Матвей.

Он остановился возле стены, прижимая к себе деревянный кораблик. На нем уже появилась неровная мачта, но парус сын так и не успел приделать.

Арквуд увидел мальчика и тоже остановился.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Матвей первым опустил глаза.

— Вы меня заберете? — спросил он.

Я почувствовала, как похолодели пальцы.

— Мотя...

Рейн не перебил меня, но и не стал делать вид, будто вопроса не было.

Он опустился на одно колено, сохраняя между собой и мальчиком достаточно места.

— Сегодня нет, Матвей.

Сын крепче сжал кораблик.

— А завтра?

— Завтра тоже нет решения суда, которое позволяло бы тебя забрать.

— А потом?

Рейн посмотрел на меня.

Я понимала, почему он не хотел отвечать. Он не имел права обещать невозможное.

Но и оставлять пятилетнего ребенка с таким вопросом было жестоко.

Я присела рядом с Матвеем.

— Потом взрослые будут разбираться, — сказала я. — Ты ничего не должен решать за нас.

— Я могу не делать когти, — прошептал он.

Арквуд посмотрел на его правую руку.

— Ты не выбирал, когда они появились?

Матвей покачал головой.

— Тогда за это тебя никто не должен наказывать.

Сын поднял глаза.

— А вы можете превращаться?

— Могу.

— В волка?

— Да.

— Большого?

— Достаточно большого.

Милана немедленно появилась из кухни.

— А какого цвета?

— Темного.

— Черного?

— Черного.

Она посмотрела на его камзол.

— А одежда куда девается?

Я едва не закрыла лицо ладонью.

Арквуд задумался.

— Обычно ее приходится заранее снимать.

Милана удивилась.

— Всю?

— Милана, — остановила я.

— Я просто спрашиваю!

— Вижу.

Рейн поднялся.

Мне показалось, что уголок его рта чуть дрогнул.

— До свидания, Матвей. Милана.

— До свидания, — ответил сын.

Милана помахала ему рукой.

Он взял меч с полки, надел плащ и вышел.

Я осталась в дверях, наблюдая, как Арквуд разговаривает со стражниками. Один из них указал на наш дом. Командир коротко ответил, после чего все трое направились к лошадям.

Он не оглянулся.

Через несколько минут улица опустела.

Я закрыла дверь.

Матвей все еще стоял рядом.

— Мам, а он не злой, — сказал сын.

— Почему ты так решил?

— Он не заставлял меня показывать руку.

Я присела и обняла его.

Мне хотелось согласиться. Хотелось подумать, что человек, который умеет разговаривать с испуганным ребенком, никогда не станет его разлучать с семьей.

Но Арквуд сам сказал, что исполнит судебное решение.

И я ему поверила.

Не потому, что он казался жестоким. Как раз наоборот. Он говорил неприятную правду без попыток ее смягчить.

От этого становилось страшнее.

После ухода стражи я не смогла сразу вернуться к работе.

На столе лежали документы. Семь страниц официальных формулировок, два приложения и пустой бланк возражения.

Я прочитала их снова, уже без чужого голоса над ухом.

Выписка из статьи четырнадцать казалась недвусмысленной.

Но в старом деле, которое я реставрировала, суд применял совсем другой порядок.

Я достала рабочую папку.

За годы бумаги в ней пожелтели. Некоторые записи были сделаны на обрывках, потому что тогда я не могла позволить себе тратить хорошие листы на предварительные расчеты.

В углу первой страницы стоял номер архивного заказа.

Я помнила его.

Дело о проживании ребенка после смерти отца. Сорок лет назад его родственники добивались передачи мальчика главе рода. Мать оставалась живой, здоровой и продолжала заботиться о нем.

Мужчины настаивали, что ребенку требуется воспитание среди волков его крови.

Суд не согласился.

Я нашла свою старую заметку.

«Сохраняется прежнее место проживания несовершеннолетнего. Положение рода не является достаточным основанием для изменения опеки».

Дальше шли пропущенные слова, которые мне тогда не удалось разобрать без оригинала.

Я несколько раз перечитала строку.

Конечно, за сорок лет закон мог измениться. В выписке, которую принес Арквуд, упоминалось более позднее постановление.

Но когда я работала над старым делом, меня удивило, что судьи прямо обсуждали право ребенка оставаться с тем, кто его растил. Они не требовали от матери доказать, что она достойнее богатых родственников. Напротив, родственники должны были доказать необходимость передачи.

Теперь все было наоборот.

Один мужчина, не участвовавший в жизни сына, получал преимущество лишь потому, что имел нужный титул.

Я открыла приложение.

В конце статьи стояла ссылка на постановление Совета двадцативосьмилетней давности.

Номер и дата.

Вот что нужно было проверить.

Не слова Лорана. Не уверенность Арквуда.

Само постановление.

Я записала номер и положила лист рядом со старой выпиской.

После этого занялась обычными делами.

В мастерскую нужно было отправить записку заказчику, что счетная книга будет готова завтра. Я могла выполнить работу сегодня, но для окончательного укрепления переплета требовалось несколько часов без детских рук возле инструментов.

Детей я оставила дома, поэтому достала то, что можно было сделать на кухонном столе.

Милана обрадовалась возможности помогать.

— Я могу подавать тебе бумажки!

— Только те, которые я положу отдельно.

— А клеить?

— Нет.

— А резать?

— Тоже нет.

— Тогда какая это помощь?

— Очень важная. Следить, чтобы брат не разбросал твои карандаши.

Матвей возмутился.

— Я их не трогаю!

— Вот и проследишь, — сказала я.

Милана некоторое время размышляла, потом согласи-

лась.

На несколько часов дом снова стал похож на наш обычный дом.

Я работала, дети рисовали, из кухни пахло хлебом и сушеными яблоками. Дважды приходилось останавливаться, чтобы разнять спор. Один раз Матвей разлил воду. Еще через полчаса Милана обиделась, что брат не хочет строить с ней крепость.

Эти маленькие неприятности неожиданно успокаивали.

Однако, когда в полдень зазвонил колокол городской управы, я снова посмотрела на часы.

После вручения уведомления прошло уже несколько часов.

После обеда я дописала заявление для руководительницы подготовительной группы. Сообщила, что дети временно останутся дома, и приложила копию уведомления о споре. Попросила никому не передавать их без моего письменного согласия или отдельного законного решения.

Второе письмо написала городскому целителю. Требовалась заверенная копия записи о первом проявлении силы Матвея, а также заключение об отсутствии угрозы окружающим.

Я не просила скрыть знак или исправить документы.

Теперь это было бы не только бесполезно, но и опасно. Лоран уже получил сведения. Любая попытка переписать прошлое позволила бы обвинить меня в обмане.

Оставалось только добиваться, чтобы ни одна запись не использовалась против сына без проверки.

Письма забрал городской посыльный.

Я заплатила ему две медные монеты и попросила доставить оба до закрытия канцелярий.

Когда закрывала дверь, на улице увидела соседку.

Госпожа Брина стояла с корзиной и смотрела на меня с таким выражением, будто уже знала о нашей семье больше меня самой.

— Варвара, — окликнула она. — У тебя все хорошо?

— Да, спасибо.

— Вчера такой важный господин приезжал. А сегодня стража.

— Семейные документы, госпожа Брина.

— А-а.

Она явно не удовлетворилась.

— Если понадобится помощь...

— Благодарю. Пока справляемся.

Я вернулась домой прежде, чем соседка успела задать следующий вопрос.

К вечеру пришла Надежда.

Сегодня она закончила смену немного раньше и принесла детям две булочки с изюмом.

Милана немедленно рассказала ей о большом черном волке, который приходил утром.

— Он не превращался, — поспешно уточнил Матвей.

— А жаль, — сказала тетя. — Посмотрела бы я, как такого здорового волка в вашу прихожую помещать.

Дети засмеялись.

Я дождалась, пока они ушли делить булочки, и показала Надежде бумаги.

Она читала медленно, иногда подносила лист ближе к лампе.

— Двадцать один день, — сказала наконец.

— Да.

— И он правда не может забрать ребенка раньше?

— Без отдельного решения суда — нет.

— Уже легче.

— Ненамного.

Надежда отложила документ.

— Ты сегодня целый день здесь сидела и думала, как плохо все может закончиться?

— Я работала.

— Это я вижу. А еще вижу, что ты ничего не ела после завтрака.

— Ела.

— Две ложки супа не считаются.

Я вздохнула.

— Тетя Надя...

— Не начинай. Я тебе не командую. Просто завтра голова понадобится, а с пустым желудком она работает хуже.

Она достала из сумки кусок сыра и положила на стол.

— Расскажи про командира.

— Что именно?

— Он угрожал?

— Нет.

— Давил?

— Тоже нет.

— Тогда чего ты такая сердитая, когда о нем говоришь?

Я покрутила в пальцах край салфетки.

— Потому что он считает, что должен исполнить решение суда. Даже если суд постановит забрать Матвея.

— Он так и сказал?

— Да.

Надежда некоторое время молчала.

— Странно было бы, если бы командир стражи с первого визита пообещал нарушить приказ ради женщины, которую никогда не видел.

— Я знаю.

— Но хотелось, чтобы пообещал?

Я не ответила.

Тетя взяла чашку.

— Важно, что он тебе не соврал. Теперь хотя бы понятно, на что рассчитывать.

— На суд, — сказала я.

— И на себя. Ты же не просто так столько лет с бумажками возишься.

Я достала старую выписку.

— Вот именно об этом хотела поговорить.

Она наклонилась ближе.

Я показала ей номер дела и объяснила, что меня смущало.

— Закон мог измениться, — сказала Надежда.

— Мог. Поэтому мне нужно найти постановление.

— А если его нет?

— Тогда придется выяснить почему.

— И кто тебе поможет?

Я помолчала.

Тетя подняла брови.

— Только не говори, что опять собираешься все делать одна.

— Я могу работать с архивами.

— С архивами можешь. А с судом?

— Для суда нужен поверенный.

— Вот и найди его.

Я вспомнила название городской службы, указанной в документах Арквуда.

При окружной канцелярии действовала небольшая приемная по семейным делам. Я слышала, что там работал Илья Мерн. Несколько раз он заказывал через нашу мастерскую копии старых договоров.

Лично мы почти не общались.

— Завтра попробую записаться к нему, — сказала я.

— Хорошо.

— И в архив нужно будет сходить.

— После обеда я свободна. Посижу с детьми.

— Ты и так устаешь на работе.

— Я сказала после обеда, Варя. Не всю неделю подряд.

Она посмотрела на мое лицо и добавила:

— Если понадобится больше времени, будем искать, с кем договориться. Но пока не решай заранее, что помощи нет.

Я кивнула.

Надежда не стала продолжать. Вместо этого встала и пошла узнавать, почему в соседней комнате стало слишком тихо.

Через минуту послышался ее возмущенный голос:

— Милана! Зачем ты нарисовала у себя на лбу третий глаз?

Я закрыла лицо ладонью.

Вечером пришлось отмывать дочь от зеленой краски.

Матвей сидел рядом с тазом и объяснял, что третий глаз нужен был для наблюдения за врагами. Милана возражала: это вообще не глаз, а волшебный камень.

Я слушала их и впервые за день улыбалась без усилия.

Позднее мы легли спать.

Я оставила папку на столе, но среди ночи все равно проснулась и пошла проверить детей.

Матвей спал, свернувшись на боку. Его рука лежала поверх Миланиного одеяла. Дочь во сне держала край его рукава.

Я поправила им подушки.

Вчерашняя фраза Лорана все еще стояла у меня в ушах.

Сына я заберу. Девочка останется с тобой.

Он произнес ее с уверенностью человека, который привык получать желаемое.

Я смотрела на детей и пыталась представить, как объясню Милане, что ее брата больше нет в соседней кровати. Как буду собирать вещи Матвея. Как однажды вернусь из крепости Вейров после короткого разрешенного свидания и увижу пустое место за нашим столом.

Не получилось.

Я вышла из спальни и закрыла за собой дверь.

На следующий день после обеда Надежда пришла, как обещала. Я успела закончить переплет счетной книги, получить плату от заказчика и отложить часть денег на предстоящие поездки.

Остального оставалось мало.

В мастерской «Вторая страница» было прохладно. Ночной дождь проник в щели старой оконной рамы, и утром мне пришлось переставить коробки с чистой бумагой подальше от стены.

Я зажгла лампу над рабочим столом.

Затем достала толстую книгу заказов, которую вела с самого открытия мастерской.

Мне нужен был тот самый судебный документ.

В старой рабочей папке сохранился его номер, но отсутствовала точная дата передачи в городской архив. Я перебри-

рала записи за первые месяцы работы, вспоминая, кто тогда приносил документы и сколько времени ушло на восстановление каждого.

Нашла.

Заказ был оформлен не частным лицом, а городским архивом. В книге имелся регистрационный номер, пометка о повреждении водой и подпись приемщика.

Я переписала сведения на чистый лист.

Потом достала сохраненную черновую выписку.

И снова увидела тот самый текст.

Ребенка нельзя отнимать у родителя, фактически осуществляющего воспитание, только по причине более высокого положения другого рода.

Это была не дословная цитата из Хартии. Я записывала смысл судебного заключения, когда разбирала промокшие строки.

Но в одном была уверена: суд того времени не считал родовой титул достаточным основанием для передачи мальчика.

Нынешняя статья четырнадцать утверждала обратное.

Я поставила обе бумаги рядом.

Старое дело было рассмотрено сорок лет назад. Предполагаемое изменение закона произошло двадцать восемь лет назад.

Значит, противоречия пока не было.

Все могло объясняться обычной поправкой.

Я заставила себя признать это, хотя очень хотелось увидеть на листах готовое спасение.

Настоящая работа начиналась именно теперь.

Нужно было установить, каким постановлением изменили статью, кто голосовал, когда официально опубликовали новую редакцию и почему прежнее правило перестало действовать.

Я выписала эти вопросы отдельно.

Потом посмотрела на номер постановления, указанный в документах Арквуда.

Он состоял из трех цифр и буквы. В архивной практике Союза это было вполне привычное обозначение. По цифрам можно было найти порядковую запись, а по последней букве — определить тип решения.

Мне предстояло найти исходную запись.

Я положила лист в папку и закрыла ее.

На часах было почти четыре.

До конца рабочего дня городского архива оставалось мало времени, а возвращаться домой нужно было до ужина. Если поспешить, я успевала подать заявку на ознакомление с делом, чтобы завтра получить его в читальном зале.

Я погасила лампу, заперла мастерскую и вышла на улицу.

В Сосновом Броде все продолжало жить своей обычной жизнью.

У пекарни разгружали мешки с мукой. На перекрестке спорили два возчика, не сумевшие разъехаться. Возле лав-

ки сапожника мальчишка пытался удержать собаку, которая рвалась за чужой телегой.

Никто не знал, что у меня осталось двадцать дней до суда, после которого сына могли увезти.

Я шла мимо знакомых домов и думала о Рейне Арквуде.

Не о его росте, не о шраме и не о том, что Милана уже успела объявить его огромным черным волком.

Я вспоминала один короткий ответ.

«Это единственное, чем вы сейчас можете пользоваться наравне с альфой».

Право.

Если закон действительно существовал, мне придется искать способ защитить детей в его пределах.

А если статью изменили с нарушением правил, я должна была это доказать.

В архиве меня встретил молодой служащий. Он узнал печать нашей мастерской на старой рабочей квитанции и согласился принять заявку до закрытия.

— Вам требуется само судебное дело? — уточнил он.

— Да. И регистрационные материалы, связанные с изменением статьи четырнадцать Свода Семи стай.

Служащий поднял глаза.

— Это уже другой фонд.

— Я знаю.

— Тогда нужно два отдельных запроса.

— Давайте два.

Он подвинул мне бланки.

Я заполнила их аккуратно, без исправлений.

В первом указала номер старого судебного дела.

Во втором — реквизиты постановления Совета, на которое ссылался Лоран.

Служащий проверил строки и поставил входящий штамп.

— По первому делу сможете прийти завтра. По второму сначала уточним наличие материалов.

— Когда будет ответ?

— Через несколько дней, если книга у нас. Если придется обращаться в столичную канцелярию, дольше.

Я поблагодарила его и получила квитанции.

Уже на пороге остановилась.

— Скажите, а если оригинал постановления хранится не здесь, где я могу узнать, в какой архив его передали?

— В учетном каталоге, — ответил служащий. — Но для полного поиска иногда нужен запрос через канцелярию Совета.

— Понятно.

Я сложила квитанции в сумку.

На улице к вечеру похолодало. Я запахнула пальто и ускорила шаг к дому.

Пока у меня не было доказательств подлога, поддержки влиятельных людей или уверенности в исходе суда.

Зато теперь я знала, что именно искать.

Лоран начал спор с требования передать сына.

Я собиралась начать свой ответ с проверки закона, которым он рассчитывал меня заставить.

Глава 3. Мать не имеет права

На третий день после приезда Лорана я впервые задумалась, сколько стоит право оставить собственного ребенка дома.

Ответ нашелся довольно быстро.

Две серебряные монеты за заверенную копию старого судебного дела. Еще одна за срочный поиск. Шесть медных за доставку документов и столько же за возможность получить выписку не через неделю, а до конца следующего дня.

Я пересчитала деньги в кошельке и убрала две монеты обратно.

Срочность придется выбирать.

Утром дети проснулись почти одновременно. Матвей первым пришел на кухню, завернутый в одеяло. Милана появилась следом, волоча по полу подушку.

— Мам, а почему мы опять не идем в училище? — спросила она.

— Потому что мне нужно уладить несколько дел.

— А потом пойдем?

— Конечно.

— А праздник осенних фонариков будет?

Я на мгновение замерла.

Праздник намечался через две недели. Дети уже месяц мастерили для него бумажные фонари и спорили, какого

цвета должен быть самый большой.

— Будет, — сказала я.

— И мы пойдем?

— Если все будет спокойно.

Милана нахмурилась.

— А почему может быть неспокойно?

— Потому что у взрослых иногда возникают сложности.

— Из-за папы?

Матвей опустил голову.

Я поставила перед ними миски с кашей.

— Мы с папой разбираемся в одном вопросе. Вам не нужно из-за этого отказываться от праздника.

— Он опять приедет? — спросил сын.

— Возможно.

— А тот большой мужчина?

— Рейн?

Матвей кивнул.

— Не знаю. Он работает в страже. Может приехать по служебным делам.

— Он сказал, что сегодня меня не заберут.

— И сегодня тебя не заберут.

Я могла произнести это уверенно. До суда никто не имел права отнимать Матвея без отдельного решения. Именно эту строчку я вчера несколько раз перечитала перед сном.

Наконец у меня появилось хотя бы одно обещание, основанное не только на собственном желании.

Милана пододвинула брату хлеб.

— Если что, мы спрячемся под кроватью, — предложила она.

— Он большой, — серьезно ответил Матвей. — Найдет.

— Тогда в кладовке.

— Мила, никто не должен прятаться в собственном доме, — сказала я.

Дочка посмотрела на меня.

— А если папа придет и захочет забрать Матвея?

Я присела рядом с ними.

— Тогда я выйду и поговорю с ним. А вы останетесь дома.

— И все?

— И все.

Она подумала, затем занялась кашей.

Матвей ел медленно, зато больше не прятал руки. Разговор с командиром явно пошел ему на пользу. Рейн не испугался его когтей, не потребовал немедленно показать знак и не стал говорить о страшной волчьей силе.

Мне не нравилось, что я это заметила.

Еще меньше нравилось, что я была благодарна человеку, который при определенных обстоятельствах должен был исполнить решение о передаче сына.

После завтрака я убрала посуду и отправилась в мастерскую. Детей взяла с собой: пока Надежда была на смене, другого выхода не имелось.

Мастерская «Вторая страница» занимала две небольшие

комнаты на первом этаже старого здания. В передней я принимала заказы. В задней стояли реставрационные столы, шкаф с инструментами и деревянная рама для просушки поврежденных листов.

Обычно детям разрешалось находиться только в передней комнате.

Сегодня я придвинула туда второй столик, положила бумагу, карандаши и коробку с деревянными фигурками.

— Это ваше место, — сказала я. — Если понадоблюсь, позовете.

Милана сразу принялась расставлять фигурки.

Матвей сел у окна с корабликом, который мастерил уже несколько дней.

Я занялась заказами.

Сначала проверила переплет книги счетов, за которую вчера получила оплату. Потом приготовила смесь для укрепления старого письма и ответила на записку торговца, просившего восстановить поврежденную печать на договоре.

Работа помогала не думать о суде хотя бы несколько минут подряд.

Но каждый раз, когда я поднимала голову, видела Матвея.

Он сидел тихо, сосредоточенно вставляя маленькую мачту в отверстие на палубе.

Я хорошо знала это выражение его лица. Так сын выглядел, когда собирался спросить о чем-то неприятном, но пока не решался.

— Мотя, — позвала я. — Что случилось?

Он поднял голову.

— Ничего.

— Уверен?

— Да.

Я не стала заставлять его говорить.

Через несколько минут он сам подошел ко мне.

— Мам, а если я стану большим волком, мне тоже надо будет жить в крепости?

Я отложила кисть.

— Нет. Само по себе обращение не означает, что ты обязан куда-то переехать.

— А папа говорит, что надо.

— Папа считает, что для тебя существуют особые правила. Мы будем разбираться, какие именно.

Матвей задумчиво провел пальцем по краю стола.

— А если я не хочу быть альфой?

— Ты пока можешь вообще об этом не думать.

— Правда?

— Правда. Тебе пять лет. Сейчас у тебя есть дела поважнее.

— Какие?

— Например, доделать корабль. И научиться не класть грязные носки под кровать.

Он наконец улыбнулся.

— Это Милана кладет.

— У нее я тоже спрошу.

Сын вернулся к окну.

Я посмотрела на часы.

Надежда обещала освободиться после двух. Если она придет вовремя, у меня останется почти три часа на городской архив.

Их следовало использовать так, чтобы не возвращаться оттуда с очередным обещанием прислать бумаги когда-нибудь потом.

К полудню в мастерскую заглянул постоянный заказчик, господин Тир. Он принес коробку старых писем и попросил оценить возможность восстановления.

Я открыла крышку.

Внутри лежало около трех десятков листов, сложенных неровными стопками. На некоторых расплылись чернила. Другие были повреждены плесенью.

— Надо срочно? — спросила я.

— Хотелось бы до конца месяца.

— Тогда возьму не все сразу. Сначала самые поврежденные.

Он согласился и оставил задаток.

Когда дверь за ним закрылась, я переложила деньги в отдельный конверт.

Этого хватит на несколько архивных выписок.

Раньше подобная мелочь казалась просто удачным заказом.

Теперь я смотрела на серебряные монеты и прикидывала, сколько еще придется потратить, прежде чем мы окажемся в суде.

Надежда пришла чуть позже двух.

Она принесла детям яблоки и сразу заметила, что я сложила рабочие бумаги в сумку.

— В архив?

— Да.

— Надолго?

— Постараюсь вернуться к пяти.

— Хорошо. Я до вечера свободна, но завтра с утра опять в лечебнице.

— Завтра мне нужно будет встретиться с поверенным.

— Тогда договаривайся на вторую половину дня. Если смена закончится вовремя, смогу посидеть с детьми.

Я кивнула.

Не хотелось снова просить ее о помощи. Но тетя уже ясно дала понять, что не собирается обсуждать мою привычку отказываться от всего предложенного.

— Матвей сегодня ел? — спросила она.

— Завтракал. Потом немного хлеба.

— Опять переживает?

— Да.

Надежда заглянула в переднюю комнату.

— Ну что, мои хорошие, кто хочет испечь со мной яблоки?

Милана закричала, что она первая.

Матвей поднял руку.

Я застегнула сумку и вышла, пока они спорили, кому достанется больше корицы.

До городского архива было около четверти часа пешком.

Сосновый Брод стоял на пересечении двух торговых дорог, поэтому документы здесь собирали давно. За последние сто лет город пережил три пожара, большое наводнение и смену нескольких правителей. Архив от этого не стал богаче, зато обзавелся огромным количеством бумаг, которые никто не решался выбросить.

Я любила это место.

Не за запах пыли, как иногда говорили посетители, а за порядок, который удавалось находить даже в поврежденных записях.

У каждого документа существовала своя история: кто его составил, кто заверил, куда отправили, почему вернули и где положили на хранение.

Когда все эти сведения совпадали, можно было довольно уверенно установить происхождение бумаги.

А когда не совпадали, приходилось разбираться.

В читальном зале сидели трое посетителей.

За стойкой дежурил молодой архивный служащий, принимавший у меня заявку вчера вечером. Увидев меня, он достал из нижнего ящика деревянную карточку.

— Госпожа Савина. Первое дело подготовлено.

— Спасибо. А по второму запросу?

— Пока проверяют.

Он выдал мне учетную карточку и проводил к столу возле окна.

Через несколько минут принесли толстую папку в серой обложке.

Я узнала ее сразу.

Пять лет назад она выглядела гораздо хуже. Переплет был разрушен, нижние края листов слиплись после затопления, а на первых страницах почти исчезли подписи.

Тогда я несколько недель восстанавливала это дело по заказу архива.

Теперь папка была сухой, прочной, с аккуратно подшитыми листами.

Я провела пальцем по корешку.

Неловко было думать, что когда-то я спасала этот документ от окончательной гибели, не подозревая, зачем он может понадобиться мне самой.

Я открыла первую страницу.

Дело касалось мальчика семи лет, чей отец погиб при несчастном случае. Родственники покойного потребовали передать ребенка в родовой дом, ссылаясь на положение семьи и необходимость воспитания будущего наследника.

Мать возражала.

Она жила отдельно, занималась ткачеством и самостоятельно растила сына.

Родственники утверждали, что у нее недостаточно средств, чтобы обеспечить мальчику подобающее обучение.

Я читала медленно, стараясь не пропустить ничего существенного.

В показаниях соседей упоминалось, что ребенок здоров, привязан к матери и получает необходимый уход.

Представитель рода говорил о будущих обязанностях наследника.

Судьи задавали вопросы о возможной опасности для мальчика, но родственники не смогли привести конкретных доказательств.

На последней странице находилось решение.

Я придвинула лампу.

Некоторые строки еще сохраняли следы моей реставрации. В местах повреждений бумага была укреплена тончайшими волокнами, а почти утраченные слова восстанавливали по сохранившимся фрагментам и второй учетной копии.

Теперь текст читался полностью.

«При отсутствии установленного вреда несовершеннолетнему изменение его привычного места проживания не может быть обосновано одним лишь преимуществом родового положения».

Ниже суд ссылался на статью четырнадцать основополагающей Хартии Союза.

Я перечитала решение.

Потом вернулась к предыдущей странице.

Судьи не рассуждали о том, что мать должна доказать свое превосходство над родственниками отца. Напротив, именно требовавшие передачи мальчика люди должны были подтвердить, почему прежнее проживание необходимо изменить.

Это совпадало с тем, что я помнила.

Но прежде чем обрадоваться, я заставила себя снова проверить даты.

Дело было рассмотрено сорок лет назад.

Предполагаемая поправка появилась двадцать восемь лет назад.

Разница составляла двенадцать лет.

Достаточный срок, чтобы Совет действительно успел изменить порядок.

Значит, моя находка не доказывала, что нынешняя статья незаконна.

Она доказывала другое.

Когда-то статья четырнадцать имела совершенно иной смысл.

Я записала точную цитату и номер листа.

Затем попросила заверенную копию заключительной части дела.

Служащий проверил состояние документа.

— Можно подготовить выписку, — сказал он. — Оригинал из зала не выдается.

— Мне оригинал не нужен. Только заверенный текст ре-

шения со ссылкой на Хартию.

— Для судебного дела?

— Возможно.

Он не стал расспрашивать.

— К завтрашнему вечеру подготовим.

Я заплатила две серебряные монеты и получила квитанцию.

Затем вернулась к столу.

Мне еще предстояло выяснить, что именно произошло двадцать восемь лет назад.

Я открыла принесенную с собой современную выписку.

«В соответствии с постановлением Совета Семи номер 318-Б...»

Дальше следовала дата.

Я переписала ее отдельно.

Номер выглядел совершенно обычным. В архивной системе первые цифры обозначали порядковую запись, последняя буква — категорию постановления.

Ничего необычного.

Я подошла к служащему.

— Можно посмотреть каталог опубликованных изменений Свода Семи стай за этот год?

Он поднял голову.

— У нас есть учетные указатели. Но сами протоколы Совета хранятся в столице.

— Мне пока достаточно указателя.

— Сейчас принесу.

Через несколько минут передо мной лежала еще одна книга, гораздо тоньше первой.

В ней были перечислены документы, поступавшие в городской архив из центральной канцелярии.

Я нашла нужный год.

Постановление 318-Б действительно упоминалось.

Рядом стояла короткая запись: изменение порядка признания и воспитания наследников альф.

Дата совпадала с современной выпиской.

Я почувствовала разочарование.

Все выглядело законно.

— Здесь только ссылка? — спросила я.

— Да. Каталог подтверждает, что нам прислали такую редакцию.

— А сам протокол голосования?

— Его у нас нет.

— Но где-то он должен храниться?

— В центральной канцелярии Совета. Если постановление принималось на заседании, должен существовать журнал.

Я снова посмотрела на номер.

— А можно получить копию?

— Через запрос. Обычный или судебный.

— Какая разница?

— Обычный направят в канцелярию Совета. Если доку-

мент открыт для ознакомления, ответят. Судебный запрос оформляется по соответствующему делу и позволяет истребовать материалы официально.

— Что быстрее?

Служащий развел руками.

— Зависит от того, кто занимается запросом.

Я поблагодарила его и вернула книгу.

Пока я узнала лишь то, что уже было указано в документах Арквуда.

Старая статья существовала.

Позднее появилось постановление, которым ее якобы изменили.

Именно слово «якобы» было сейчас главным.

Я не имела права считать подлог доказанным только потому, что мне очень хотелось найти выход.

Когда я вышла из архива, часы на городской башне показывали без четверти пять.

Дома меня встретили запах печеных яблок и сердитая Милана.

— Мама, тетя Надя сказала, что больше нельзя сыпать сахар!

— Сколько ты уже насыпала?

— Чуть-чуть.

Надежда показала мне миску, в которой сахара оказалось столько, что он почти полностью скрыл яблоки.

— Я вовремя заметила, — сказала она.

Матвей сидел за столом и осторожно ел свой кусочек.

— Мила хотела сделать сладкий суп, — сообщил он.

— Я хотела, чтобы было вкусно!

Я поцеловала дочь в макушку.

— В следующий раз спросишь, сколько нужно.

— А можно завтра еще?

— Посмотрим.

Надежда дождалась, пока дети занялись едой, и спросила:

— Нашла?

— Старое решение нашла. Завтра выдадут копию.

— Это поможет?

— Возможно. Но пока мне нужно подтвердить, что произошло с законом позднее.

Тетя посмотрела на мое лицо.

— То есть готового ответа нет.

— Нет.

— Зато есть куда идти дальше.

Я кивнула.

Она поставила передо мной тарелку с яблоком.

— Ешь. Потом будешь думать.

Вечером я договорилась о встрече с Ильей Мерном.

Его приемная находилась в здании окружного суда. Помощница проверила запись и сказала, что он сможет принять меня завтра после трех.

За первую консультацию платить не требовалось: она входила в городскую программу помощи по семейным спорам.

Это оказалось приятной новостью.

Я уже начала считать, сколько придется отложить на дорогу в столицу и проживание там с двумя детьми.

Даже если слушание займет один день, ехать придется заранее. Детей я не собиралась оставлять дома на неопределенный срок, а Надежда не могла просто бросить работу ради моих обстоятельств.

Нам нужно было заранее все согласовать.

За ужином Милана опять спросила про праздник фонариков.

Я пообещала, что завтра мы хотя бы закончим ее бумажного волка.

Матвей попросил помочь с корабликом.

На какое-то время мы смогли поговорить о вещах, не связанных с Лораном.

Но ночью мне приснилось, что я стою перед закрытыми воротами крепости Вейров. По другую сторону слышится голос Матвея, но я не могу открыть тяжелую створку.

Я проснулась еще до того, как нашла во сне ручку.

Села на кровати и долго слушала тишину.

Потом встала, прошла в детскую и проверила обоих.

Матвей спал.

Милана лежала поперек одеяла, раскинув руки. Ее пятка упиралась в край братней кровати.

Я накрыла дочь и вернулась к себе.

После обеда следующего дня меня ждал поверенный.

Илья Мерн оказался невысоким, худощавым мужчиной с темными волосами, в которых уже заметно серебрилась седина.

На столе у него стояли три стопки документов, причем каждая была перевязана шнуром своего цвета.

Он попросил меня сесть и сразу уточнил:

— Дело о передаче наследника альфы Вейра?

— Да.

— Покажите уведомление.

Я передала бумаги.

Илья прочитал их без спешки. Иногда делал пометки на отдельном листе.

— Вы мать ребенка?

— Да.

— Отец происхождение признает?

— Обоих детей признает.

— Обоих?

— У меня двойня. Сын и дочь.

Мерн поднял голову.

— А требование касается только сына?

— Да.

Он записал это.

— Сколько им лет?

— Пять лет и четыре месяца.

— С кем проживали с рождения?

— Со мной.

— Отец участвовал в воспитании?

— Нет. О детях узнал только сейчас.

— Почему?

Я уже ожидала этого вопроса.

— Когда мы развелись, о беременности я не знала. Узнала через три недели и решила не сообщать ему.

Илья не стал выражать удивление.

— Вы понимали, что вопрос может возникнуть позднее?

— Да.

— Почему решили скрыть?

— Боялась, что муж потребует наследника по этой самой статье.

Поверенный кивнул.

— Это обстоятельство может использовать другая сторона. Но оно не отменяет необходимости рассматривать интересы ребенка.

Он сделал еще одну запись.

— Теперь мне нужно понять, чего вы хотите добиться.

Я растерялась.

— Чтобы сын остался со мной.

— Только сын?

— Оба ребенка должны остаться вместе. Я не согласна их разделять.

— Хорошо. Тогда не будем формулировать вашу позицию только как отказ передать Матвея. Нужно показать, как живет семья, какое место занимает каждый ребенок и какие по-

следствия вызовет изменение проживания.

Я смотрела на него.

— Разве это не очевидно?

— Для вас и меня многое очевидно. Суд работает с тем, что представлено в деле.

— Матвей никогда не жил с отцом.

— Это важное обстоятельство.

— У него здесь дом, сестра, привычная жизнь.

— Тоже важно.

— Тогда почему вообще возможно требовать передачи?

Илья положил передо мной выписку из статьи.

— Потому что существует специальная норма о наследниках альф.

— Я ее читала.

— Тогда понимаете, что спорить только с представлением отца о воспитании будет недостаточно.

Он перевернул лист.

— Мы можем заявить возражения по нескольким основаниям. Во-первых, отсутствие доказанного вреда ребенку при нынешнем проживании. Во-вторых, последствия разлучения двойни. В-третьих, обстоятельства воспитания и реальную привязанность детей.

— А статья четырнадцать?

— Если она действительна, суд обязан учитывать ее положения. Но это не избавляет его от рассмотрения остальных обстоятельств.

Я достала старую выписку.

— А если раньше эта статья звучала по-другому?

Илья взял лист.

Прочитал.

Потом попросил современный текст.

Несколько минут в кабинете было тихо.

Я наблюдала за тем, как он перелистывает бумаги. На его правой руке не хватало кончика мизинца. Когда он придерживал страницу, рука двигалась немного неловко.

— Откуда эта цитата? — спросил он.

— Из судебного дела сорокалетней давности. Я когда-то восстанавливала его по заказу городского архива. Вчера нашла оригинал и заказала заверенную выписку.

— В решении действительно указан номер статьи четырнадцать?

— Да. Основополагающей Хартии.

Илья еще раз посмотрел на лист.

— Это интересно.

— Значит, закон неправильный?

— Пока мы знаем лишь, что сорок лет назад применялась другая редакция.

— А двадцать восемь лет назад ее изменили?

— Согласно опубликованному своду.

— Но сам протокол я еще не видела.

— И я тоже.

Он сложил бумаги.

— Вы считаете, что постановление Совета могли оформить с нарушениями?

— Я пока ничего не считаю. Хочу убедиться, что оно действительно существует.

Поверенный впервые за разговор улыбнулся.

— Для архивного специалиста это правильный подход.

Я не стала объяснять, как сильно мне хотелось услышать совсем другой ответ.

Мне хотелось, чтобы он сказал: «Да, закон подделан. Завтра мы докажем это и все закончится».

Но Илья не собирался продавать мне надежду вместо работы.

— Суд трех печатей вправе проверить подлинность основания, по которому изменили Хартию, — сказал он. — Однако для этого понадобится не только старый текст.

— Что еще?

— Решение Совета, подтверждение установленной процедуры принятия, регистрационные записи. Если найдете несоответствия, необходимо будет показать, почему они существенны.

— Я могу запросить документы?

— Можете. Но советую делать это в рамках судебного дела.

— Почему?

— Потому что обычный ответ канцелярии может оказаться простой выпиской из опубликованного свода. Она уже у

вас есть. Судебный запрос позволяет конкретно потребовать материалы, на которых основана публикация.

— Это займет время.

— Да.

— У меня осталось меньше трех недель.

— Именно поэтому нельзя тратить его на бесполезные документы.

Я посмотрела на свои записи.

— А если канцелярия вообще не ответит?

— Мы укажем это суду и попросим истребовать сведения непосредственно.

Он достал бланк.

— Пока необходимо подать первоначальные возражения. Без предположений о подлоге, которые еще нечем подтвердить. Заявим известные факты.

Следующий час мы работали над заявлением.

Илья задавал вопросы, иногда возвращался к уже сказанному, просил уточнить даты и место проживания.

Я рассказала о разводе, переезде, рождении двойни и работе мастерской.

Он попросил принести документы о регистрации детей, записи целителя, сведения об их посещении подготовительной группы и подтверждение моего постоянного заработка.

— Вы хотите показать, что я могу их содержать? — спросила я.

— В том числе. Но не надо превращать дело в соревно-

вание кошельков. Альфа Вейр наверняка богаче вас. Это не означает, что детям необходимо переехать к нему.

Я выдохнула.

— У меня небольшой дом. Съемный.

— Дети живут в нем давно?

— Почти два года.

— У каждого есть место для сна?

— Да.

— Питание, уход, доступ к целителю?

— Разумеется.

— Тогда не нужно стыдиться того, что стены принадлежат домовладельцу.

Я невольно улыбнулась.

— Вы часто говорите это матерям?

— Чаще, чем хотелось бы.

В конце встречи Илья показал мне подготовленное возражение.

Я внимательно прочитала каждую строку.

Никаких обещаний, что мы победим.

Только факты.

Я одна воспитывала обоих детей с рождения. Матвей и Милана проживали вместе, были привязаны друг к другу. Первое проявление волчьей силы не сопровождалось нападением на окружающих. Медицинское заключение будет представлено дополнительно.

Принудительная передача мальчика могла нарушить при-

вычный уклад жизни обоих детей.

Я подписала документ.

Мерн объяснил порядок подачи и сказал, что займется оформлением судебного обращения за материалами, связанными с изменением статьи четырнадцать.

— Не стоит пока распространять подробности вашей проверки, — добавил он.

— Почему?

— Если окажется, что речь идет об обычной поправке, мы просто получим документы. Но если найдутся серьезные нарушения, люди, которые участвовали в оформлении, могут заинтересоваться тем, кто именно задает вопросы.

Я помолчала.

— Постановлению двадцать восемь лет.

— Да.

— Многие участники давно умерли или ушли со службы.

— Возможно. Однако действующая редакция закона кому-то до сих пор выгодна.

Он произнес это спокойно.

Я сложила бумаги.

— Спасибо.

— И еще, госпожа Савина. Не пытайтесь заменить официальное подтверждение собственными выписками. Вы знаете, как проверить бумагу. Но суду понадобится установить и ее происхождение.

— Понимаю.

— Тогда увидимся, когда получите остальные материалы.

Я вышла из кабинета с неожиданным ощущением, что наконец сделала что-то полезное.

Не уговорила Лорана.

Не получила сочувствие командира.

Не заставила никого обещать, что моего сына не заберут.

Но теперь мое несогласие существовало не только в разговоре на пороге.

Его можно было приобщить к судебному делу.

Когда я вернулась домой, Надежда сидела за столом и штопала детские носки.

Матвей рядом раскрашивал парус для своего корабля.

Милана строила из деревянных фигурок целый город.

— Ну как? — спросила тетя.

— Заявление подготовили. Нужно будет передать дополнительные документы.

— Значит, будем собирать.

Она сказала это так просто, будто речь шла о закупке муки к празднику.

Я улыбнулась.

— Ты говоришь «будем», словно у тебя своих забот мало.

— Их много. Но это не отменяет того, что ты моя племянница.

Милана подняла голову.

— А мы кто?

— А вы мои любимые маленькие разбойники.

— Я не разбойник! — возмутился Матвей.

— Тогда ты главный корабельщик. А Милана разбойник.

Дочь довольно закивала.

— Я буду капитаном разбойников!

Матвей посмотрел на нее с сомнением.

— Капитаны не воруют чужие корабли.

— А я не буду воровать. Я буду свои делать.

— Тогда ты не разбойник.

Я оставила их спорить и пошла переодеваться.

Через полчаса Надежда отправилась домой. Завтра у нее была ранняя смена, а вечером предстояло помогать пожилой соседке после операции.

Я не могла рассчитывать, что тетя проведет у нас всю неделю.

Это означало, что следующие визиты в архив придется подстраивать под ее график и собственную работу.

Пока у меня оставалось несколько часов до ужина.

Я занялась заказом господина Тира.

Дети сидели в передней комнате. Милана решила нарисовать всех членов нашей семьи в виде волков, но почему-то никак не могла выбрать цвет для четвертой фигуры.

— Мам, а папа какого цвета? — спросила она.

Я отложила кисть.

— Серого.

— Красивого?

— У него темно-серая шерсть.

— А Рейн черный.

— Да.

— Тогда я нарисую черного.

— Почему?

— Потому что он большой.

Я посмотрела на рисунок.

На листе уже стояли три волка: один маленький серый, другой коричневый и большая волчица с очень длинными ресницами.

— А четвертый кто будет? — спросила я.

Милана поджала губы.

— Не знаю.

Она взяла черный карандаш, потом отложила.

Матвей продолжал возиться с кораблем.

— Папу рисуй, — сказал он.

— Не хочу.

— Почему?

— Он тебя заберет.

Матвей замер.

Я подошла к ним.

— Милана, давай поговорим.

— Я ничего.

— Я вижу, что ты расстроилась.

Она сердито потерла ладонью щеку. На коже остался темный след.

— Я не расстроилась.

Я села рядом.

— Хорошо. Тогда просто посижу с вами.

Несколько минут никто не говорил.

Потом Милана тихо спросила:

— Мам, а папа меня не любит?

Я почувствовала, как сжалось горло.

Матвей положил корабль на стол.

— Почему ты спрашиваешь, милая?

Дочка упрямо смотрела в рисунок.

— Он Матвея хочет забрать.

— Да.

— А меня не хочет.

Я осторожно убрала карандаш из ее руки.

— Папа принял неправильное решение.

— Потому что я девочка?

Она произнесла это с такой серьезностью, что мне пришлось сделать паузу.

— Он считает, что Матвей должен жить в его доме как будущий наследник. Это не значит, что с тобой что-то не так.

— Тогда почему я ему не нужна?

Матвей отодвинулся на своем стуле.

— Мила...

— Нет! — Она повернулась к брату. — Тебя он заберет. А меня оставит!

— Я не хочу туда!

— Но он тебя хочет!

Дочка всхлипнула.

Я притянула ее к себе. Она сначала сопротивлялась, потом уткнулась лицом в мое плечо.

— Послушай меня, — сказала я. — Ты не должна становиться другой, чтобы папа захотел с тобой познакомиться. Ты моя дочь. И его дочь тоже. То, что он сказал, было неправильно.

— А если бы я тоже сделала когти?

— Это ничего не изменило бы в том, какая ты замечательная девочка.

— Но он бы меня забрал?

Я не знала, что ответить.

Правда заключалась в том, что Лоран требовал сына не потому, что тот единственный ребенок с волчьей силой. Он хотел наследника мужского пола.

Милане было пять лет.

Она не обязана была разбираться в устройстве власти, чтобы понять, что отец предпочел брата.

— Не знаю, что папа сделал бы, — сказала я. — Но тебе не нужно ничего доказывать. Ни ему, ни мне.

Она подняла мокрое лицо.

— А ты нас обоих хочешь?

— Конечно.

— Одинаково?

— Я люблю вас обоих. И не собираюсь выбирать между вами.

Милана еще немного поплакала.

Потом потребовала воды, вытерла нос моим платком и спросила, можно ли все-таки дорисовать черного волка.

— Можно, — сказала я.

— Только это будет не папа.

— Хорошо.

Она вернулась к столу.

Матвей сидел неподвижно.

Я заметила, как он смотрел на сестру.

— Мотя, — позвала я.

Он поднял глаза.

— Это не из-за тебя.

— Я знаю.

— Правда?

Он кивнул, но сделал это слишком быстро.

— Ты спас Милану от телеги. Ты поступил правильно. И появление твоей силы не делает тебя виноватым в том, что сейчас происходит.

Сын посмотрел на свою ладонь.

— А если бы она не появилась, папа бы не приехал.

Вот он и сказал то, чего я боялась.

— Может быть, приехал бы позднее. Но это не значит, что ты должен был позволить телеге ударить сестру.

Матвей нахмурился.

— Нет. Я бы все равно ее оттащил.

— Вот и хорошо.

Я обняла его.

Милана немедленно возмутилась:

— А меня тоже!

Пришлось обнимать обоих.

Они устроились у меня на коленях, хотя давно уже были слишком большими, чтобы помещаться там одновременно.

Мы просидели так несколько минут.

Потом Милана вывернулась и заявила, что хочет есть.

Я отпустила детей и пошла готовить ужин.

На кухне было жарко от плиты. Я резала овощи, прислушиваясь к их разговору в соседней комнате.

Матвей рассказывал сестре, почему у кораблей бывают разные паруса.

Милана спорила, что на ее корабле парус будет в форме цветка.

Я улыбалась, но внутри оставалась неприятная тяжесть.

Раньше мне казалось, что больше всего пострадает Матвей, если Лоран добьется своего.

Теперь я понимала, что дело не только в возможной разлуке.

Милана уже получила от отца первое представление о собственной ценности.

И мне придется потратить немало времени, чтобы оно не осталось с ней на всю жизнь.

На следующий день я снова отправилась в архив.

Надежда не могла прийти до полудня, поэтому утром я

работала дома, а дети помогали разбирать безопасные обрезки бумаги.

К двум часам тетя освободилась.

Я забрала из мастерской сумку с документами, проверила кошелек и пошла за заверенной выпиской.

Служащий выдал ее без задержки.

На листе стояли печать архива, номер дела, дата решения и заверенная цитата.

Я внимательно проверила, чтобы ни одна строка не была пропущена.

Затем спросила о втором запросе.

Служащий достал каталог.

— По постановлению 318-Б у нас только публикационная запись и отметка о получении новой редакции Свода.

— То есть протокола нет?

— Здесь нет. В столичной канцелярии может быть.

— Вы можете запросить?

— Можем отправить обычный запрос. Но ответ придет не сразу.

— А если мне нужен именно протокол заседания?

Он посмотрел на мои бумаги.

— Тогда лучше обращаться непосредственно в канцелярию Совета либо через суд.

Я вспомнила слова Ильи Мерна.

Он как раз собирался оформлять судебное обращение.

Правильнее было дождаться его.

Но в голове все время крутилось число оставшихся дней.

Семнадцать.

Вчера было восемнадцать. Завтра станет шестнадцать.

Каждый день ожидания означал, что я еще ближе к заседанию, на котором могли принять решение о Матвее.

— Как быстро обычный запрос отправят в столицу? — спросила я.

— Сегодняшним вечерним курьером, если оформить до закрытия.

— А судебный?

— Вам нужно уточнять у поверенного. Мы судебные запросы без соответствующего основания не составляем.

Я посмотрела на пустой бланк, который он положил передо мной.

Обычный запрос не давал таких же возможностей, как судебный.

Но его можно было отправить уже сегодня.

Я решила, что одно другому не помешает.

— Давайте оформим.

Служащий подвинул мне чернильницу.

Я написала имя, адрес мастерской и основание обращения.

В строке о документе указала:

«Постановление Совета Семи номер 318-Б, которым изменена статья четырнадцать Свода Семи стай».

Дальше потребовалось уточнить, какие именно сведения

мне нужны.

Я попросила полный текст постановления, дату заседания, состав присутствовавших и копию регистрационной записи.

Служащий просмотрел заявление.

— Вам нужно указать, для чего запрашиваются материалы.

— Для судебного разбирательства.

— Какого?

Я помедлила.

Можно было написать просто «для ознакомления».

Но тогда канцелярия могла ответить, что опубликованного текста достаточно. Я уже знала, как легко получить в ответ бумагу, которая ничего не объясняет.

Поэтому указала номер дела о передаче Матвея.

А затем добавила фразу, которая казалась мне совершенно естественной:

«В связи с расхождением между действующей редакцией статьи четырнадцать и ее применением в судебных материалах более раннего периода».

Служащий прочитал.

— Подробный запрос.

— Хочу получить подробный ответ.

— Хорошо.

Он поставил штамп.

Я получила квитанцию и убрала ее в папку.

Уже выходя, вспомнила, что Мерн советовал не раскрывать подробности проверки до получения надежных материалов.

На секунду захотелось вернуться и забрать заявление.

Но оно уже было зарегистрировано.

И потом, разве я сообщила что-то секретное?

Любой человек имел право попросить архивный документ.

Я не обвиняла никого в преступлении, не утверждала, что постановление поддельное, и не требовала наказания чиновников.

Просто указала, какое именно расхождение обнаружила.

Если советная канцелярия хранила протокол, его можно было прислать и закрыть вопрос.

Я убедила себя, что поступила разумно.

Однако, возвращаясь к столу, почувствовала знакомое неприятное сомнение.

Мне стоило хотя бы сообщить поверенному, что я собираюсь делать.

Вместо этого я поспешила получить ответ самостоятельно.

Служащий уже убирал папки.

Я задержалась возле стойки.

— Скажите, а где можно посмотреть учет поступления новых редакций Свода? Не сами книги, а сведения о том, когда заменяли страницы.

Он поднял голову.

— У нас есть каталог обновлений. Он хранится отдельно.

— Могу ознакомиться?

— Если ненадолго. Мы скоро закрываемся.

Я пообещала управиться быстро.

Он принес узкую книгу в темном переплете.

Такие каталоги вели для служащих, которым приходилось следить, чтобы на полках не оставались старые редакции законов.

При получении исправлений работник должен был записать дату, номер поступившего пакета и страницы, подлежащие замене.

Я открыла нужный год.

Записи шли не по номерам постановлений, а по датам получения.

Пришлось просмотреть несколько разворотов.

Сначала нашла перечень весенних изменений.

Постановление 318-Б там не упоминалось.

Потом посмотрела летние записи.

Ничего.

В осеннем разделе обнаружилась нужная строка.

«Замена листов Свода Семи стай. Статья четырнадцать. Новая редакция, полученная из центральной канцелярии».

Рядом стояла дата.

Я сверила ее с выпиской.

Постановление, на которое ссылался современный закон,

было датировано апрелем.

А новые листы в городской архив поступили только в ноябре того же года.

Семь месяцев.

Я несколько раз проверила числа.

Само по себе запоздалое получение страниц ничего не доказывало.

Центральная канцелярия могла долго печатать новую редакцию. Отдаленные города иногда получали исправления еще позднее.

Но меня насторожило другое.

В строке стояло не «дополнение к Своду», как обычно обозначали новые постановления.

Стояло «замена листов».

Я знала, как работали подобные книги.

Когда принимали закон, изменения сначала включали в официальный перечень постановлений, а затем распространяли новый текст. При обычной замене изношенных или испорченных страниц тоже существовала учетная запись.

Поэтому выражение могло иметь несколько объяснений.

Мне нужно было проверить, какой именно пакет пришел из столицы, кто расписался в его получении и на каком основании старые листы изъяли.

Я перелистнула страницу.

Следующая запись касалась торговых пошлин.

Еще через две строки упоминались правила содержания

переправ.

Ничего, что могло объяснить статью четырнадцать.

— Госпожа Савина, — позвал служащий. — Мы закрываемся.

— Сейчас.

Я переписала дату и номер архивной поставки.

Потом заметила маленькую пометку на полях.

Она была сделана другим почерком, более мелким, и содержала ссылку на внутреннюю учетную книгу.

Номер я тоже записала.

— Спасибо, — сказала служащему.

Он забрал каталог.

— Нашли?

— Пока только направление.

— Если понадобится сама учетная книга, оформите заявку. Ее могут выдать в читальный зал.

— Обязательно.

На улице уже зажигали фонари.

Я шла домой быстрее обычного, придерживая сумку под плащом.

Нужно было проверить еще одну вещь.

Не дату постановления и не саму статью.

Порядок, в котором центральная канцелярия рассылала исправления.

За годы работы я видела десятки подобных отметок. Иногда новая редакция приходила через неделю после постанов-

ления, иногда через месяц.

Семь месяцев не были чем-то невозможным.

Но если в учетной книге сохранились сведения о пакете, можно было выяснить, что именно получила городская канцелярия.

И, возможно, кто отвечал за замену.

Когда я открыла дверь дома, Милана бросилась ко мне со словами:

— Мам, мы сделали фонарь!

Она держала огромную бумажную конструкцию, криво склеенную по краям.

Одна сторона уже отклеилась.

Матвей выглянул из кухни.

— Только он падает.

— Не падает, а складывается! — возразила сестра.

Я повесила плащ и приняла фонарь.

Он действительно был слишком тяжелым для тонких бумажных креплений.

— Красивый, — сказала я.

— Правда?

— Правда. Только давайте укрепим края.

Милана обрадовалась и побежала за коробкой с обрезками.

Матвей подошел ближе.

— Мам, ты все узнала?

Я присела перед ним.

— Еще не все.

— А когда узнаешь?

— Постараюсь как можно скорее.

Он кивнул.

— Я сегодня не делал когти.

— Хорошо.

— И не буду.

Я положила ладонь ему на плечо.

— Мотя, если они появятся, это не значит, что ты сделал что-то плохое. Мы научимся с ними обращаться. Помнишь, что говорил целитель?

— Что надо не пугаться.

— Верно.

Он вздохнул.

— Я стараюсь.

— Я вижу.

Позже, когда дети уснули, я разложила все полученные документы на кухонном столе.

Старое судебное решение.

Современную статью.

Номер постановления.

Даты.

Квитанцию на запрос в советную канцелярию.

И маленькую заметку из каталога обновлений.

Я начала писать Илье Мерну записку.

Хотела сообщить, что получила заверенную выписку и са-

мостоятельно направила запрос о постановлении 318-Б.

На слове «самостоятельно» остановилась.

Вспомнила, как он просил не распространять подробности проверки.

Но исправить уже ничего не могла.

Я закончила письмо, указала все сведения и положила его в конверт. Утром отправлю первым же посыльным.

Потом снова открыла рабочую папку.

В сорокалетнем деле суд защищал право ребенка оставаться с матерью.

Двадцать восемь лет назад появилась новая статья, отдавшая преимущество отцу-альфе.

Официальные каталоги подтверждали, что такую редакцию действительно распространяли.

Но пока никто не показал мне документ, доказывающий, что Совет законно принял само изменение.

Я смотрела на две даты.

Апрель и ноябрь.

Между ними было семь месяцев и несколько учетных записей, которые мне еще предстояло увидеть.

Я не знала, найдется ли среди них что-нибудь важное.

Не знала и того, кто в столице прочтет мое заявление, когда вечерний курьер доставит его в канцелярию.

Я лишь понимала, что теперь задала вопрос, на который мне могли не захотеть отвечать.

Из детской донесся скрип кровати.

Я быстро собрала бумаги и пошла проверить детей.

Милана спала, прижав к щеке своего бумажного волка.

Матвей лежал рядом, вытянув руку поверх одеяла сестры.

Я поправила ему подушку и постояла возле кроватей.

Завтра мне нужно будет вернуться в архив и найти учетную книгу.

А еще закончить заказ господина Тира, купить детям хлеба и договориться с Надеждой, кто сможет посидеть с двойней во время следующего визита к поверенному.

Обычная жизнь никуда не исчезла.

Просто теперь каждое дело приходилось успевать между попытками защитить наших детей.

Я погасила свет в коридоре и вернулась на кухню.

На столе лежала квитанция с печатью канцелярии.

Мое заявление уже отправлялось в столицу.

В нем стояли мое имя, адрес мастерской, номер дела Матвея и точная статья закона, происхождение которой я собиралась проверить.

Я сложила квитанцию в папку.

Пока это был всего лишь запрос.

Но кто-то в Совете скоро узнает, что мать мальчика, которого собирались забрать, интересуется не только условиями передачи.

Она хочет увидеть, откуда вообще взялось право ее ребенка отнимать.

Глава 4. Слово, которого не было

Утром я обнаружила, что кто-то ночью вытащил из моей сумки квитанцию городского архива.

Сама квитанция лежала под кухонным столом. Рядом валялись два деревянных кубика, огрызок зеленого карандаша и засохшая корочка хлеба.

Я подняла бумагу и посмотрела на смятую печать.

— Матвей!

Сын появился в дверях почти сразу. На нем была домашняя рубашка, которую он упорно отказывался менять на другую, потому что у этой имелся карман для кораблика.

— Что?

— Ты брал бумаги из моей сумки?

Матвей покачал головой.

— Нет.

— А Милана?

Он посмотрел на квитанцию и нахмурился.

— Она вчера искала чистые листы.

Я закрыла глаза на секунду.

Вечером я оставила сумку возле стола, пока готовила детям ужин. Милана рисовала, потом долго выбирала, какую птицу приклеить к бумажному фонарю.

Я не заметила, что она добралась до моих документов.

— Позови сестру, пожалуйста.

Милана пришла с важным видом. На лбу у нее все еще оставалось слабое зеленое пятно, которое так и не удалось отмыть до конца.

— Ты брала бумагу из маминой сумки?

— Только одну.

— Какую?

Она посмотрела на квитанцию.

— Эту.

— Зачем?

— На обратной стороне было чисто.

— Я же показывала тебе коробку с бумагой для рисования.

— Но она стояла далеко.

Я присела перед дочерью.

— Мила, послушай. Сейчас у меня есть очень важные документы. Некоторые из них я не смогу получить снова быстро. Поэтому ничего из моей сумки брать нельзя. Даже если обратная сторона чистая.

Милана опустила глаза.

— Я хотела нарисовать тебе цветок.

— Нарисуешь на другом листе.

— Ты сердишься?

— Немного. Потому что испугалась.

— Что бумага пропала?

— Да.

Она задумалась.

— А если я ее поглажу, она станет ровной?

Я посмотрела на смятую квитанцию.

— Не совсем. Но ничего страшного с ней не случилось.

Милана обрадовалась и потянулась забрать бумагу.

— Тогда я дорисую!

— Нет, — сказала я и убрала квитанцию в папку. — На этой больше не рисуем.

Она обиделась.

Матвей стоял у двери и наблюдал за нами.

— Я же говорил, что надо брать из коробки, — заметил он.

— Ты мне не говорил!

— Говорил.

— Не говорил!

— Дети, — остановила я. — Завтракать.

Пока они спорили о том, кто первым возьмет хлеб, я убрала все судебные документы в отдельную папку и перевязала ее шнуром.

Еще недавно я могла спокойно оставить рабочие записи на кухонном столе. Теперь пришлось привыкать, что даже обычный детский рисунок способен заставить меня искать важную бумагу по всему дому.

После завтрака пришел посыльный.

Он принес ответ из училища и заверенную копию заключения городского целителя.

Руководительница подготовительной группы подтвержда-

ла, что детей не станут передавать посторонним без моего письменного согласия или надлежащего судебного распоряжения.

Целитель подробно описал первое проявление силы Матвея.

В заключении говорилось, что мальчик не нападал на окружающих, а проявление возникло во время попытки защитить сестру от опасности.

Я прочитала эти строки дважды.

Наконец появился документ, который подтверждал не просто наличие волчьей силы, но и обстоятельства ее появления.

Я заплатила посыльному, убрала бумаги и посмотрела на часы.

До прихода Надежды оставалось несколько часов.

Она работала с раннего утра и обещала освободиться после обеда. Если в лечебнице не случится ничего непредвиденного, я смогу снова отправиться в архив.

За последние дни я побывала там чаще, чем за предыдущие два месяца.

Но теперь знала, что искать.

Вчера мне удалось обнаружить номер учетной книги, связанной с заменой листов Свода Семи стай.

Старая редакция статьи четырнадцать защищала право ребенка оставаться с фактически воспитывающим его родителем.

Новая отдавала преимущество отцу-альфе.

Между ними находилось постановление Совета двадцати-восьмилетней давности.

Я хотела увидеть не только его номер, но и путь, которым измененный текст попал в официальные книги.

В мастерскую мы пришли около десяти.

Матвей нес деревянный кораблик. Милана тащила коробку с карандашами, хотя я предлагала положить ее в сумку.

Она заявила, что коробка принадлежит ей и она сама будет ее нести.

Я не стала спорить.

На улице было сухо, но прохладно. После дождей дорога возле пекарни превратилась в вязкую полосу грязи, и мне пришлось по очереди переносить детей через самый глубокий участок.

— Я сам могу! — возмутился Матвей.

— Вижу. Но тогда придется возвращаться за чистыми сапогами.

Он посмотрел на грязь и больше не спорил.

В мастерской я усадила детей за стол в передней комнате, выдала бумагу и достала заказ господина Тира.

Старые письма оказались в плохом состоянии.

Одно почти полностью пропиталось водой, и чернила на нижней половине страницы расплылись. Другое надорвали при попытке развернуть.

Я начала с самого простого листа.

Осторожно расправила сгибы, подложила тонкую защитную бумагу и проверила, не осыпается ли краска от прикосновения.

Работа требовала терпения.

Мне нравилось, что здесь каждое движение имело понятную цель. Если бумага была влажной, ее нужно было высушить. Если край надорвался, подобрать укрепляющий материал. Если чернила ослабли, не трогать их, пока не проверишь, как они реагируют на состав.

С человеческими решениями все было сложнее.

— Мам, — позвала Милана.

— Что?

— А волки умеют плакать?

Я замерла с кистью в руке.

— Умеют расстраиваться. А почему ты спрашиваешь?

— Я нарисовала волчицу. У нее слезы.

— Что случилось с волчицей?

— Ее волчонок ушел.

Я положила кисть.

— Почему ушел?

Милана пожала плечами.

— Не знаю. Матвей сказал, что волки уходят из стаи, когда вырастают.

— Когда вырастают, иногда уходят жить отдельно. Но твой брат еще маленький.

— А папа хочет, чтобы он ушел сейчас.

Я подошла к столу.

На рисунке стояла большая коричневая волчица. Рядом с ней находилась маленькая волчица с желтым хвостом. Чуть дальше Милана нарисовала серого волчонка.

Между ними проходила черная линия.

— Это дорога? — спросила я.

— Да.

— Куда она ведет?

— К папиному дому.

Матвей сидел рядом и смотрел на рисунок.

— Я не хочу туда один, — сказал он.

— Я знаю.

— Можно я его сотру? — спросила Милана.

— Кого?

— Дом.

Я взяла свободный стул и села рядом.

— Можете нарисовать другой дом, если хотите.

Милана посмотрела на меня.

— А этот можно зачеркнуть?

— Это твой рисунок. Решай сама.

Она взяла карандаш и провела поверх далекого дома несколько широких линий.

Матвей придвинул к ней свой лист.

— Давай лучше корабль нарисуем.

— Волки на корабле не плавают.

— Почему?

— У них лапы мокрые будут.

— Они же могут обратно превратиться!

Через минуту дети уже спорили о том, нужен ли волкам капитан.

Я вернулась к письмам.

Мне было легче видеть их за обычным спором, чем наблюдать, как Матвей молча прячет руки, а Милана рисует дорогу между братом и матерью.

К полудню я закончила первую страницу.

Затем сняла защитную бумагу со второго письма и поставила раму для просушки подальше от окна.

Работа шла медленнее обычного, но заказ хотя бы двигался.

Деньги господина Тира понадобятся очень скоро.

Когда появилась Надежда, я уже накормила детей обедом.

Тетя сняла плащ и сразу отправилась мыть руки.

— В лечебнице сегодня спокойно? — спросила я.

— Относительно. Один старик решил, что способен самостоятельно срастить сломанную ногу. Пришлось объяснять, что даже оборотням иногда нужен целитель.

— И как?

— Обиделся. Сказал, что раньше люди были крепче.

Она посмотрела на стол.

— Ты собралась уходить?

— В архив. Надо проверить учетную книгу.

— Надолго?

— Постараюсь вернуться до шести.

— Хорошо. У меня сегодня вечер свободен.

Я показала ей, где лежит заключение целителя и новые документы училища.

Надежда выслушала, кивнула и попросила не оставлять детям клей.

— В прошлый раз Милана пыталась приклеить деревянную птицу к столу.

— Я помню.

— Она сказала, что птица должна сидеть на дереве.

— Очень убедительное объяснение, — заметила я.

Тетя усмехнулась.

Я собрала сумку.

Теперь важные судебные документы носила с собой, а для работы оставляла отдельные копии и записи. Раньше это казалось излишней осторожностью. После истории с квитанцией я решила, что детям проще объяснить, какие бумаги можно брать, чем потом искать пропавшее по всем комнатам.

Перед уходом заглянула к двойне.

— Я вернусь к ужину.

Матвей кивнул.

Милана спросила, можно ли сегодня испечь еще яблоки.

Надежда ответила, что яблоки будут, но сахар на этот раз выдадут по ложке.

Дочка возмутилась.

Я вышла из мастерской под их спор.

В архиве меня уже узнавали.

Молодой служащий за стойкой посмотрел на принесенную квитанцию и вздохнул.

— Опять статья четырнадцать?

— На этот раз учетная книга.

— Вы очень настойчивая, госпожа Савина.

— Это плохо?

— Для некоторых служащих — да.

Он достал журнал заявок.

— Номер у вас есть?

Я продиктовала.

Мужчина сверил запись, нашел нужную карточку и отправился в хранилище.

Ждать пришлось почти двадцать минут.

Я сидела у окна и смотрела, как по площади перед архивом проходят торговцы. У фонтана двое мальчишек пытались поймать небольшую собаку, которая явно считала происходящее веселой игрой.

На миг мне захотелось быть одной из тех женщин, чьи заботы сегодня ограничивались ценой муки и тем, успеет ли высохнуть белье.

Но служащий уже возвращался с книгой.

— Держите. Только осторожно, переплет старый.

Я поблагодарила его и раскрыла тяжелый том.

Это был внутренний журнал поступления законодательных исправлений.

В отличие от обычного каталога, здесь записывали не только название полученного документа, но и состав пакета, дату приема, имя ответственного служащего и основание замены листов.

Я нашла нужный год.

Страницы пожелтели, но чернила сохранились хорошо.

В первой половине года преобладали торговые распоряжения.

Потом шли изменения воинских сборов, пограничных пошлин и порядка содержания дорог.

Я дошла до ноября.

Там находилась знакомая запись.

Новая редакция статьи четырнадцать.

Дата получения совпадала с той, что я вчера переписала из каталога.

Рядом стоял номер пакета.

Я сверила его с собственной заметкой.

Все правильно.

Ниже перечислялось содержимое: два листа основного текста, один лист разъяснений и сопроводительная ведомость центральной канцелярии.

Дальше шла подпись городского архивариуса, принявшего пакет.

Я провела пальцем вдоль строки, не касаясь чернил.

Сама запись выглядела обычной.

Но меня заинтересовала графа, в которой указывали ос-

нование рассылки.

В других строках там писали: «Принято постановлением Совета», «Утверждено решением палаты» или «Введено судебным определением».

Возле статьи четырнадцать стояло иное.

«Редакционная сверка официального текста».

Я перечитала эти слова.

Редакционная сверка.

Не принятие поправки.

Не утверждение нового закона.

Сверка.

Я знала, что означало это выражение в работе с документами.

Когда переписывали или печатали ранее утвержденный текст, его сравнивали с оригиналом. Проверяли, не пропущены ли строки, правильно ли написаны имена, не изменен ли смысл при наборе.

Сверка не создавала новый закон.

Она лишь подтверждала, что переписанный текст соответствует уже существующему.

Я просмотрела соседние записи.

Несколько раз встречалась та же формулировка. Но там речь шла о замене поврежденных страниц, исправлении ошибок переписчиков или переиздании без изменения содержания.

А здесь старый текст статьи и новый существенно разли-

чались.

Я снова вернулась к нужной строке.

Не было слова «принято».

Конечно, отсутствие одного слова в городском журнале еще ничего не доказывало.

Архивариус мог использовать сокращенную формулировку. Он не обязан был подробно пересказывать каждое решение Совета.

Но кто-то должен был проверить соответствие нового текста оригиналу.

И этот человек оставил подпись.

Я посмотрела на номер сопроводительной ведомости и перевернула страницу.

Внизу находилась дополнительная отметка, сделанная более мелким почерком.

«Сверено по центральному экземпляру. Регистратор А. Рош».

Рядом стоял личный знак сверки.

Я переписала строку.

Рош.

Фамилия была мне незнакома.

Я подумала, что, возможно, этот человек сможет объяснить, почему изменение закона оформляли как обычную редакционную сверку.

Если он, конечно, еще жив.

Двадцать восемь лет — большой срок.

Я позвала архивного служащего.

Он подошел, заглянул в книгу и спросил:

— Что-то не так?

— Мне нужно узнать, кто проводил эту сверку.

— В центральной канцелярии?

— Да. Регистратор А. Рош.

Он наклонился ближе.

— Старые служебные списки у нас есть не за все годы.

— Можно проверить?

— Попробуем.

Он принес другую книгу, значительно тоньше первой.

Это был указатель служащих, чьи подписи встречались в документах, поступавших из столицы.

Мы нашли нужную букву.

А. Рош.

Полное имя — Агата Рош.

Должность — регистратор центральной канцелярии Совета.

Год назначения был указан, год увольнения отсутствовал. В примечании сообщалось, что позднее сведения о ней передали в обновленный кадровый реестр.

— У вас есть этот реестр? — спросила я.

— Нет. Только в столице.

— То есть вы не знаете, работает ли она сейчас?

— Не знаю.

Я записала имя.

Агата Рош.

Женщина, которая двадцать восемь лет назад сверяла текст статьи, ставшей причиной нашего сегодняшнего бедствия.

Я не знала, по чьему распоряжению она работала и что именно видела.

Но теперь у меня было не только название постановления.

Появился человек, который мог знать больше.

— Мне нужна заверенная выписка из этой книги, — сказала я.

Служащий посмотрел на часы.

— Сегодня не успеем.

— Завтра?

— Если подадите заявку.

Я заполнила новый бланк.

— А можно получить копию самой сопроводительной ведомости?

— Если она сохранилась.

— Как узнать?

Он посмотрел на номер пакета.

— Нужно поднять опись входящей корреспонденции за тот год. Иногда ведомости подшивали отдельно от текстов.

— Можно сделать запрос?

— Можно.

Я достала перо.

После вчерашнего разговора с поверенным мне следовало

быть осторожнее.

Поэтому в заявлении я указала только номер пакета, дату получения и просьбу об ознакомлении с сопроводительными материалами. Без рассуждений о незаконности статьи.

Служащий принял запрос.

— Вам придется подождать несколько дней.

— Понимаю.

— И еще. Не вся переписка центральной канцелярии оставалась у нас. Некоторые материалы возвращали обратно.

— Значит, их нужно искать в столице?

— Не обязательно. Существовали контрольные хранилища.

Он задумался.

— Старые основные документы Союза иногда отправляли на независимое хранение. Например, на Заставу Седых Скал.

Название показалось мне знакомым.

Я слышала о заставе во время работы над родословными. Там хранили часть старых межстайных соглашений, потому что после большого пожара в столице решили не держать все важные бумаги в одном здании.

— Там может быть сама Хартия? — спросила я.

— Возможно, контрольный экземпляр. Но я не знаю, сохранился ли он и предоставляют ли к нему доступ частным лицам.

Я записала название заставы.

Пока это была только еще одна возможность.

Я закрыла книгу и отодвинула ее от себя.

Времени до суда оставалось меньше трех недель.

А путь к каждому новому документу приводил к следующему запросу, следующей книге и следующему человеку, который мог разрешить или запретить ознакомление.

Я устала от ожидания.

Но торопиться с выводами не собиралась.

Старая статья существовала.

Новая статья существовала тоже.

Служащая по имени Агата Рош подписала сверку.

А вот доказательства того, что поправку действительно приняли на законном заседании, у меня по-прежнему не было.

Я положила записи в сумку и вышла из архива.

До закрытия мастерской оставалось около часа.

Я решила заглянуть туда, проверить сохнущие письма и забрать приготовленные для господина Тира материалы.

Надежда должна была находиться с детьми дома. После обеда они собирались вернуться туда, чтобы испечь яблоки и не мешать мне работать.

Я прошла мимо пекарни, свернула на нашу улицу и сразу заметила, что дверь мастерской приоткрыта.

Сначала решила, что плохо закрыла ее, уходя.

Такое случалось, когда спешила.

Но возле замка виднелась свежая царапина.

Я остановилась.

Дверь была не просто незаперта.

Ее открывали силой.

Несколько секунд я стояла на тротуаре, пытаясь вспомнить, кому могла оставить ключ.

Никому.

У меня имелись два ключа. Один лежал в сумке, второй хранился дома.

Я осторожно толкнула дверь.

В передней комнате стулья стояли на местах. Коробка с детскими карандашами оставалась под столом. На подоконнике лежала деревянная птица, которую Милана забыла взять домой.

С первого взгляда все было почти нормально.

Потом я увидела раскрытый нижний ящик шкафа.

На полу валялись бумаги.

Я сделала шаг внутрь.

В задней комнате оказалось хуже.

Кто-то сдвинул рабочий стол, открыл шкаф с материалами и вытащил несколько папок.

Одна лежала посреди комнаты, распахнутая.

Листы были разбросаны.

Я подошла к столу.

Коробка с деньгами стояла на прежнем месте.

Внутри оставался задаток господина Тира, который я утром еще не успела переложить в домашний кошелек.

Инструменты тоже не тронули.

Хорошие ножи для бумаги, набор переплетных игл, стеклянные пластины — все лежало там, где я оставила.

Зато исчезла папка с копиями архивных запросов.

Я открыла ящик, в котором обычно ее хранила.

Пусто.

На дне осталась только оборванная завязка.

Я проверила соседнюю полку.

Не нашла.

Потом посмотрела под столом, хотя прекрасно знала, что утром поставила папку в ящик.

Ее не было.

Сердце билось так сильно, что пришлось опереться о край стола.

В папке лежали копии старого судебного заключения, мои рабочие записи и перечень документов, которые я собиралась искать.

В том числе номер постановления 318-Б.

И сведения о запросах, направленных в канцелярию.

Оригиналы официальных документов находились в моей сумке. Но человек, проникший в мастерскую, получил достаточно информации, чтобы понять, как далеко я успела продвинуться.

Я заставила себя отойти от стола.

Не следовало трогать больше ничего.

Если здесь действительно совершили преступление, нуж-

но было вызвать городскую стражу.

Я вышла на улицу.

У пекарни стоял хозяин, господин Дорн. Он разговаривал с покупателем, но, заметив меня, сразу подошел.

— Варвара, что случилось?

— Кто-нибудь заходил в мою мастерскую?

— Сегодня?

— Пока меня не было.

Он посмотрел на дверь.

— Не видел. Я почти весь день был возле печи. А что?

— Кто-то взломал замок.

Лицо Дорна изменилось.

— Деньги украли?

— Нет. Бумаги.

Он посмотрел на меня с явным недоумением.

— Бумаги?

— Рабочие документы.

— Надо звать стражу.

— Да.

Он предложил послать своего помощника к ближайшему посту.

Я согласилась.

Пока мы ждали, Дорн стоял рядом с мастерской и не пытался задавать лишние вопросы.

За это я была ему благодарна.

Через четверть часа пришли двое городских стражников.

Старший представился Бертраном Лисом.

Он осмотрел замок, затем попросил показать помещения.

Я объяснила, когда ушла и что обнаружила по возвращении.

Лис составил перечень пропавшего.

— Деньги на месте? — переспросил он.

— Да.

— Ценные вещи?

— Тоже.

— А пропала одна папка?

— Одна папка целиком. Кроме того, кто-то просматривал другие рабочие материалы.

Он осмотрел ящики.

— Не исключено, что искали что-то еще.

— Я это понимаю.

— Были угрозы?

Я помолчала.

Вчера вечером я еще убеждала себя, что обычный архивный запрос не мог привлечь опасного внимания.

Теперь кто-то вскрыл мое рабочее помещение и забрал именно бумаги, связанные с поиском.

Но обвинять Совет без доказательств было бы ошибкой.

— У меня идет судебный спор с бывшим мужем, — сказала я. — Он альфа Вейр. Часть пропавших записей относится к документам, которые могут понадобиться в этом деле.

Лис поднял голову.

— Дело о наследнике?

— Да.

— Пограничная стража уже уведомлена?

— Командир Арквуд вручал мне документы.

Он переглянулся со вторым стражником.

— Тогда направим ему копию сообщения. Но взломом займется городская стража.

— Хорошо.

Я показала им сломанный замок.

Лис присел возле двери.

— Вскрывали тонким инструментом. Не очень аккуратно.

— Вы сможете узнать, кто это сделал?

— Пока не знаю.

Он не стал обещать невозможного.

Осмотрел следы возле порога, проверил окно и записал состояние помещений.

Один из стражников нашел за шкафом обрывок бумажной завязки. Я узнала ее: такими перевязывала папки с рабочими выписками.

Больше ничего существенного не обнаружили.

Лис попросил меня перечислить содержимое пропавшей папки как можно точнее.

Я назвала все, что помнила.

Старое дело об опеке.

Номер постановления Совета.

Копии заявок в городской архив.

Предварительные заметки о несовпадении редакций статьи.

И список материалов, которые я собиралась запросить позднее.

Когда я закончила, Лис посмотрел на меня.

— Вы уверены, что никто из ваших работников не мог забрать папку?

— У меня нет работников.

— А клиенты?

— В заднюю комнату их не пускаю.

Он кивнул.

— Тогда пока будем рассматривать незаконное проникновение и похищение документов. Необходимо получить список лиц, имевших доступ к помещению, и проверить, не замечали ли соседи посторонних.

Я поставила подпись под протоколом.

Стражники ушли опрашивать владельцев соседних лавок.

Я осталась посреди мастерской.

На полу по-прежнему лежали разбросанные бумаги.

Хотелось немедленно собрать их, проверить каждый заказ и выяснить, что еще пропало.

Но больше всего хотелось домой.

К детям.

Я посмотрела на часы.

Надежда уже должна была поставить яблоки в печь.

Я закрыла дверь насколько позволял поврежденный замок

и отправилась к ним.

Дорн пообещал попросить своего помощника присмотреть за мастерской до моего возвращения.

Дорога домой показалась длиннее обычной.

Я почти бежала, хотя понимала, что никаких оснований считать детей в опасности прямо сейчас нет.

Человек, проникший в мастерскую, искал бумаги.

Не детей.

Но после того как Лоран объявил, что собирается забрать сына, мне было трудно отделять одну угрозу от другой.

Когда я открыла входную дверь, Милана сидела на полу и пыталась надеть платье на деревянную фигурку.

Матвей помогал ей завязывать ленту.

Надежда стояла возле плиты.

Все трое повернули головы.

— Мама! — обрадовалась Милана. — Мы тебе яблоко оставили!

Я подошла и обняла детей.

Сначала Матвея.

Потом Милану.

Они удивились, потому что обычно я не бросалась обнимать их прямо с порога так, будто не видела целую неделю.

— Что случилось? — спросила Надежда.

— Потом расскажу.

Она сразу поняла, что разговор не для детей.

— Идите мыть руки, — сказала она двойне. — Сейчас

будем ужинать.

Когда дверь кухни закрылась, я объяснила тете, что обнаружила.

Надежда выслушала до конца.

— Украли бумаги?

— Да.

— Какие именно?

— Связанные с судебным делом. Не все, но достаточно много.

— А деньги?

— Остались.

Она некоторое время молчала.

— Значит, пришли не ради денег.

— Похоже на то.

— Ты думаешь, это Лоран?

Я покачала головой.

— Не знаю.

И это была правда.

Лоран умел добиваться своего открыто. Он уже подал заявление и не скрывал намерений.

Зачем ему понадобилось бы тайно проникать в мастерскую?

С другой стороны, его люди могли решить, что получить мои записи полезно.

А в столичную канцелярию уже отправили мой запрос, в котором я сама указала и номер дела, и найденное расхож-

дение.

Не исключено, что бумаги украли именно из-за него.

Но кто отдал распоряжение, я не знала.

— Надо убрать детей отсюда? — спросила Надежда.

— Пока оснований нет. Дом никто не трогал. Стража осмотрела мастерскую.

— Я могу остаться на ночь.

— Тебе завтра на работу.

— Могу договориться о замене.

Я посмотрела на нее.

— Не надо пока. Если понадобится, скажу.

Тетя не стала спорить.

— Тогда хотя бы проверь окна и двери. И не ходи сегодня одна в мастерскую.

Я согласилась.

За ужином дети опять обсуждали волков.

Матвей рассказывал, что у настоящих волков длинные зубы, а Милана утверждала, что у красивых волчиц должны быть большие уши и желтые банты.

Надежда поинтересовалась, не мешают ли банты охотиться.

Милана ответила, что ее волчица вообще не охотится, а печет пироги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.